



Министерство высшего
и среднего специального
образования СССР
Научно-технический совет
Секция народонаселения

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ



«СТАТИСТИКА»
МОСКВА 1974

В сборнике исследуются закономерности демографических процессов и их факторы. Освещаются проблемы измерения мотивации демографического поведения, а также методологические вопросы комплексного анализа народонаселения.

Выпуск рассчитан на демографов, социологов, экономистов, социал-гигиенистов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д. И. Валентей (главный редактор),
Д. Л. Бронер, Л. Е. Дарский, А. Я. Кваша,
Г. П. Киселева, Р. С. Ротова, В. С. Стешенко,
Б. С. Хорев.

Выпуск подготовила *И. В. Дзарасова*

Ю. Бжилянский

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

(основные методологические принципы)

Вот уже более десятилетия отмечается неуклонное и быстрое нарастание исследований в области народонаселения. В поле зрения науки вовлекаются все новые стороны и черты этого многогранного объекта; одновременно углубляется познание того круга вопросов, который уже вовлечен в научный оборот.

Современный уровень научных работ по теории народонаселения характеризуется большим размахом исследований, которые ведутся многими научными коллективами и отдельными работниками; комплексностью разработки проблем народонаселения. Представители разных специальностей стремятся выявить природу процессов движения (развития) народонаселения, принципы и конкретные методы воздействия на эти процессы в наиболее желательном для социалистического общества направлении.

Комплексность — одна из основных характерных черт современного изучения народонаселения. Эта область научного поиска относится к числу наиболее подготовленных к претворению в жизнь содержащегося в Директивах XXIV съезда КПСС по девятой пятилетке указания о проведении «комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и решения задач коммунистического строительства»¹.

Вместе с тем развитие комплексных исследований с особой остротой ставит методологические проблемы изучения народонаселения. Острота эта ощущается прежде всего сугубо практически. Известно, что каждая наука имеет свой предмет, концентрируется вокруг сравнительно ограниченного круга проблем, порожденных объективными законами той формы движения в природе или

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 245.

обществе, которая составляет предмет данной науки. По мере общественного развития происходит ускоряющаяся дифференциация науки, все быстрее прогресс общественного производства и, стало быть, всей социальной жизни¹. Представители все большего числа наук и научных направлений, объединяясь для комплексного изучения проблем народонаселения, подвержены воздействию постоянно возрастающей «центростремительной» силы, что обусловлено самим поступательным ходом развивающегося изучения народонаселения. Но помимо этого действует и «центробежная» сила, которая коренится в различиях предметов наук и методов научной деятельности и «отягощает» исследователя.

Предоставленный самому себе ход развития исследований, по-видимому, был бы таков, что занятые ими ученые, с одной стороны, постоянно сплачивались бы единством дела, с другой — постоянно разъединялись бы спецификой знания, научных представлений, методов проникновения в природу явления. Отсюда очевидна огромная практическая значимость консолидации исследовательских сил, базой для которой может служить лишь единство как самой глубинной методологической основы, так и ее восприятия в выработке принципов решения важнейших практических задач.

Особая острота методологических проблем обуславливается современным состоянием теории народонаселения. Укажем для примера хотя бы на то, что одни специалисты придерживаются концепции единого «закона народонаселения», другие говорят о множестве законов народонаселения в самой общей форме, третьи пытаются

¹ В литературе, в том числе и посвященной проблемам народонаселения, довольно широко распространено мнение о том, будто происходят два параллельных процесса: а) дифференциация наук; б) их интеграция. Мы полагаем, что это мнение не основательно, и целиком прав академик А. М. Румянцев, отмечающий: «Термин «интеграция наук» не совсем точен. Определяемый этим термином процесс отнюдь не является слиянием ранее обособленных дисциплин в одну новую, а означает установление более тесных связей, развитие общих методов для самих, казалось бы, различных наук» (*Румянцев А. М. Проблемы современной науки об обществе. М., 1969, с. 357*). Иначе говоря, перед нами два неразрывно между собой связанных процесса: а) дифференциация науки как объективный процесс развития общественного сознания, следующего за развитием производства; б) интеграция научных исследований как объективно обусловленная, но организуемая волей людей форма организации трудовой деятельности.

классифицировать эти законы по сферам различных наук, четвертые — против такой классификации, и все множество законов народонаселения склонны рассматривать как совокупность законов единой и неделимой науки. Каждая из этих позиций имеет свои оттенки и нюансы. Создалась уникальная, по-видимому, ситуация, когда настоятельной оказалась необходимость специально классифицировать имеющиеся в научном обороте воззрения на существо закона (законов) народонаселения¹.

Трудности, встающие перед теорией народонаселения в связи с недостаточно ясным решением методологических проблем, обнаруживаются при изучении широкого круга вопросов воспроизводства населения. Общеизвестно, насколько велики здесь различия во взглядах.

Так, например, сам термин «воспроизводство населения», прочно укоренившийся в научном обороте, в ряде случаев оказывается под сомнением. Вот что пишет по этому поводу Б. Ц. Урланис: «Люди рождаются на свет не в результате «процесса производства», а в результате высоких эмоций, любви. Разговоры о производстве и воспроизводстве населения опошляют эти чувства, ибо при этом человек приравнивается к миру животных. Таким образом, экономический подход на самом деле является биологическим подходом, оскорбляющим достоинство человека»².

Откуда же взялся этот термин, отражающий «экономический подход», который «на самом деле является биологическим»? На этот вопрос отвечает сам Б. Ц. Урланис: «Этот термин заимствован у Маркса, но Маркс говорил о воспроизводстве рабочей силы, а не о воспроизводстве населения»³. Что «заимствован у Маркса» — совершенно верно; что Маркс говорил лишь о воспроизводстве рабочей силы — нет. Доказать это можно множеством примеров. Сошлемся лишь на некоторые. «... Индивидуаль-

¹ См.: *Болдырев В. А. Экономический закон населения при социализме. М., 1968, с. 41; Есипов Н. С. О законе народонаселения социалистического общества. — В кн.: Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. М., 1969, с. 27.*

² *Урланис Б. Ц. К вопросу о характеристике закона населения социалистического общества. — В кн.: Население и народное благосостояние. М., 1971, с. 19—20.*

³ Там же, с. 19.

ное потребление рабочего класса... — пишет К. Маркс, — это — производство и воспроизводство необходимейшего для капиталиста средства производства — самого рабочего»; «постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остается постоянным условием воспроизводства капитала»; «индивидуальное потребление рабочих... обеспечивает их сохранение и воспроизводство», «капиталистическое накопление постоянно производит... излишнее или добавочное рабочее население»¹; «имело место отношение к условиям воспроизводства, к условиям производства этих средств существования, которые, однако, в равной мере являются условиями воспроизводства людей, всего населения»² и т. д. На фоне этих и других, аналогичных им высказываний К. Маркса представляется неубедительной фраза Б. Ц. Урланиса о том, что «если у Маркса и Энгельса кое-где и встречаются замечания о «производстве людей», то эти замечания явно носят на себе отпечатки игры слов...»³.

Трудно, однако, предположить возможность столь часто повторяющейся «игры слов», тем более, что речь идет о содержании весьма существенных фрагментов «Капитала». Поэтому стремление объявить «экономический подход» «оскорбляющим достоинство человека» оказывается неосновательным. Здесь, на наш взгляд, речь идет не о небольшом по существу терминологическом недоразумении, а о методологических принципах, стремлении отдалить (в частности, и с помощью терминов) демографическое развитие от экономического. Это предположение подтверждается и тем, что такие термины и обороты, как «повозрастные коэффициенты дожития», «отношение... числа живорожденных... к численности женского населения», «живорождаемость», «половина супругов обладает нормальной плодовитостью», «репродуктивные ожидания супругов», «плодовитость как фак-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 585, 586, 644.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 105 (разрядка наша. — Ю. Б.).

³ Урланис Б. Ц. К вопросу о характеристике закона народонаселения социалистического общества. — В кн.: Население и народное благосостояние, с. 19.

тор рождаемости» и т. п.⁴, не вызывают у Б. Ц. Урланиса никаких возражений, не представляются ему «оскорбляющими достоинство человека» и не совсем соответствующими тому факту, что люди рождаются «в результате» высоких эмоций и любви.

На этом примере видно, как даже в не столь уже существенном внешне споре о термине проявляется отсутствие методологического единства, без которого немыслимо действительно комплексное исследование. Ведь комплексность исследования, в отличие от конгломеративности, в том и состоит, чтобы применение достижений и специфических методов (методики) различных наук было не только подчинено единой цели, но и исходило бы из единых методологических принципов, т. е. из единых представлений о движущих силах и основных мировоззренческих характеристиках процесса общественного развития. Такие методологические принципы для любых научных исследований дает марксистско-ленинская философия, материалистическая диалектика.

Марксистско-ленинская философия исходит из того, что в основе всего общественного развития лежит развитие производства — процесса, в котором люди, воздействуя на природу и преобразуя ее, добывают средства к жизни и вступают между собой в определенные социально-экономические (производственные) отношения. Развитие народонаселения невозможно вывести за рамки общественного развития. Поэтому отказ от определяющей роли общественного производства в развитии народонаселения неизбежно вел бы и к отступлению от марксизма-ленинизма.

Такой отказ может быть связан с тем, что развитие народонаселения (т. е. характер возобновления человеческих поколений, расселения людей, их распределения по социальным группам) признается, по существу, естественнобиологическим процессом. Подобная методология известна с давних пор и получила наиболее отчетливое проявление в мальтузианстве, беспощадно разоблаченном классиками марксизма-ленинизма. Было бы, однако, ошибочно утверждать, что мальтузианская опасность целиком ушла в прошлое: и по сей день это враждебное человечеству «учение» настойчиво гальванизируется

⁴ Нами взяты части фраз и термины из того же сборника «Население и народное благосостояние», с. 23, 33, 34, 42, 44.

в различных модернизированных неомальтузианских концепциях. При этом важно подчеркнуть, что принципиальная противоположность марксизма-ленинизма, с одной стороны, и мальтузианства (неомальтузианства) — с другой, состоит в признании (марксизмом-ленинизмом) и отрицании (мальтузианством) социально-экономического направляющего начала в развитии народонаселения.

Как ни значительна опасность, которую несет с собой мальтузианство, не оно, по-видимому, представляет собой в современных условиях главную силу, противостоящую марксистско-ленинскому подходу к изучению народонаселения. Такой силой, думается, является сейчас буржуазная немальтузианская наука, которая, оставаясь на традиционных для идеологии, порожденной и питаемой капиталом, позициях «внеклассовости», «общечеловеческого» подхода, ведет упорную, хотя и более скрытую, нежели явно антигуманное мальтузианство, борьбу с марксистско-ленинской методологией и теорией народонаселения. По нашему мнению, есть основания полагать, что эта опасность еще в какой-то мере недооценивается в нашей науке и не получает должного отпора¹.

¹ В последние годы специальным объектом рассмотрения эти буржуазные концепции стали лишь в одной значительной работе (см.: Рубин Я. И. Теории народонаселения. М., 1972, гл. III). В ней содержится и обобщается большой фактический материал. Что же касается методологических проблем, то не во всем, на наш взгляд, можно с автором согласиться. Сомнительным, в частности, представляется тот вывод, к которому пришел Я. И. Рубин, завершая I главу названной книги: «В итоге при определении направленности демографических взглядов выявляются две линии раздела: одна отделяет мальтузианство от антимальтузианства, другая — марксистскую демографию от буржуазной, в том числе от буржуазного антимальтузианства» (там же, с. 29). Обе «линии» тут выглядят равнозначными, причем первая из них объединяет в один «антимальтузианский лагерь» марксизм и буржуазную немальтузианскую науку. Между тем главная и решающая линия теоретического, методологического, идеологического размежевания та, что названа автором второй, та, что отделяет марксистско-ленинскую науку от буржуазной. Другое дело, что в рамках последней есть различные направления, которые могут быть не без определенной условности (Я. И. Рубин эту условность отмечает) разграничены на «мальтузианское» и «антимальтузианское». Кстати, нам представляется, что термин «немальтузианское» точнее, нежели «антимальтузианское». В главном, т. е. в вопросе об исторических судьбах общественного развития, вся буржуазная демографическая наука едина: ее кредо — неколебимость капиталистического социального устройства. Здесь в немальтузианских направлениях нет ничего «анти-мальтузианского».

В еще большей степени отстает активная, наступательная борьба против буржуазных немальтузианских концепций.

Если мальтузианство откровенно и практически целиком отбрасывает социальную основу процессов развития народонаселения, то немальтузианская наука такую основу широко признает. Уклоняется она в этой связи «лишь» от признания двух методологических положений: а) социальные факторы существуют всегда не «вообще», а в совершенно определенной специфичной для каждого способа производства форме; б) специфичность эта целиком предопределяется особенностью социально-экономической характеристики общественного производства, социальной формой существования и развития его производительных сил. Но именно в этих положениях вся суть вопроса, именно они образуют пропасть, отделяющую марксистско-ленинскую идеологию и методологию от буржуазной.

Опасности, связанные с буржуазным немальтузианством, усугубляются особенностями современного мирового развития общественного производства. В нашей стране построено развитое социалистическое общество, но материально-техническая база коммунизма еще, как известно, не создана. В связи с относительной исторической краткостью развития социалистического общества, а также с тем, что нормальное течение этого процесса прерывалось тяжелыми внешними потрясениями, технические и технико-экономические характеристики производительных сил в социалистических государствах пока еще во многом сходны с аналогичными характеристиками высокоразвитых капиталистических стран. Отсюда вытекает и ряд внешне сходных явлений: динамика демографических показателей, урбанизация и ее проблемы, абсолютное и относительное перемещение работников из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли, особенно в непроектную сферу, и т. д. Эти явления могут быть до конца поняты только если обнаружено и рассмотрено их социально-экономическое содержание, полярное для капитализма и социализма. Лишь этот анализ, выясняя сущность явлений и отношений между сущностями, позволит установить перспективы процессов развития народонаселения, которые столь же полярны для капитализма и социализма.

Буржуазная немальтузианская наука тщательно избегает анализа социальной формы существования производительных сил, т. е. производственных отношений. Отсюда и «всеобщие» постулаты буржуазных немальтузианцев: динамика рождаемости, например, имеет множество более или менее равноправных и одинаковых причин для экономически развитых, с одной стороны, и развивающихся стран, с другой стороны; причины эти надо терпеливо, не спеша изучать, главным образом при помощи опросов различных групп населения; урбанизация — это всеобщий процесс роста городов, которому практически нельзя противоборствовать, и дело лишь за тем, чтобы найти всеобщие же технические решения типа того, как развивать города-гиганты: вширь, высь или вглубь. Наибольшая методологическая «глубина» в подобного рода концепциях достигается апелляцией к потребностям, понимаемым, конечно, как субъективное стремление кого-то к потреблению чего-то. Получается примерно такой итог: рождаемость падает, потому что потребность иметь детей вытесняется другими потребностями; урбанизация нарастает, потому что потребность жить в городе усиливается, а потребность жить в деревне слабеет, и т. д. Здесь все ясно, кроме самого основного: откуда же берутся эти потребности, что и почему их изменяет?

Важнейшая задача наших ученых — противостоять методологической линии буржуазной науки (которая в области народонаселения не имеет принципиальных отличий от других областей обществоведения), вскрыть ее несостоятельность и субъективистскую, чуждую подлинной науке, природу. Между тем нельзя пока сказать, что эта задача достаточно эффективно решается. Безусловно, не соответствует ее решению то, что в некоторых случаях в нашей литературе демографический процесс оценивается с позиции фактического отрицания его конечной объективной обусловленности экономическим развитием. Чаще всего это опять-таки связано с субъективистской интерпретацией потребностей.

Так, Л. П. Шахотько в статье, озаглавленной «Уровень рождаемости как функция удовлетворения материальных и духовных потребностей населения», приходит к выводу о том, что «уровень рождаемости зависит не только от степени удовлетворения потребностей населе-

ния вообще, которые систематически возрастают, но и от значимости для общества и отдельного человека потребности в детях»¹. Чтобы не оставалось сомнений в том, что разумеется под потребностью, автор поясняет: «Потребность — это надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения»². Приходится констатировать, что перед нами, независимо от желаний автора, субъективистское истолкование демографического процесса.

Предопределенность потребностей общественным производством относится к числу основных положений марксизма-ленинизма. «...Человек вообще, — писал К. Маркс, — ... не имеет «никаких» потребностей; если имеется в виду человек, обособленно противостоящий природе, то его следует рассматривать как любое нестайное животное; если же этот человек, живущий в какой бы то ни было форме общества..., то в качестве исходного пункта следует принять определенный характер общественного человека, т. е. определенный характер общества, в котором он живет...»³.

Буржуазная наука больше всего боится как раз анализа характера общественного человека, т. е. определенного характера общества, в котором он живет. Именно поэтому она ставит реальные отношения с ног на голову и пытается не потребности объяснить характером общества, т. е. прежде всего общественного производства, а потребностями — движение общества, в том числе и народонаселения. Само собой разумеется, что подобный подход к проблеме неприемлем в марксистско-ленинской науке.

Методологическая основа решения проблем народонаселения создана К. Марксом более ста лет тому назад. Вот как она сформулирована еще в 1857—1858 гг.: «При различных общественных способах производства существуют различные законы возрастания населения и перенаселения... Эти различные законы следует просто свести к различным видам отношения к условиям производства или, что касается живого индивида, к условиям его воспроизводства как члена общества, ибо он работает

¹ Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 3. Под ред. А. А. Ракова и Я. И. Рубина. Минск, 1972, с. 90.

² Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 3, с. 87.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 376—377.

и присваивает только в обществе»¹. Эта мысль развита в «Капитале», а позже В. И. Лениным в ряде работ. Данное положение полностью применимо и к условиям социализма.

Как же его применять? Можно ли изобразить некую прямую линию, непосредственно соединяющую такой-то уровень экономического развития, с одной стороны, такую-то характеристику демографического процесса (например, такой-то коэффициент рождаемости) — с другой? Конечно, нельзя, и это бросается в глаза. Нередко на основании этого поверхностного впечатления отрицается тезис об экономической динамике как основе изменений демографических процессов, как их единственной конечной причине. Обычно в данной связи используется факт еще сохраняющихся между отдельными союзными республиками значительных различий в коэффициентах рождаемости. Здесь ставят вопрос: если принять наличие не многих, а одной причины рождаемости, то как объяснить различие указанной динамики, например, в Прибалтийских республиках, с одной стороны, в Среднеазиатских — с другой? Ведь характер производства в Прибалтике тот же, что и в Средней Азии.

Однако вопрос этот выглядит неразрешимым лишь при поверхностном подходе к теоретическому анализу. Одна причина — это в данном случае первопричина, она не исчерпывает всей системы причинно-следственных связей процесса. Любой процесс в природе и обществе находится под воздействием множества причин и связан со множеством следствий. Констатация этого элементарного факта, однако, не дает ни малейших оснований для отказа от поиска первопричины, основной направляющей силы процесса. Нельзя здесь не вспомнить известное указание Ф. Энгельса, который предвидел возможность примитивизированного понимания созданного им вместе с К. Марксом диалектико-материалистического учения. «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 101. (Заметим, между прочим, что и здесь говорится об условиях «воспроизводства живого индивида», и крайне трудно отнести это к очередной «игре слов».)

не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»¹.

Конечно, воспроизводство населения (и рождаемость как важнейший его элемент) в каждом конкретном условиях складывается под воздействием комплекса разнообразных причин. Это и возрастно-половая структура населения, и характер его расселения, и исторические традиции, и существующие представления о жизни (в том числе и представления религиозные). Все это надо принимать в расчет, подходя к оценке данной демографической ситуации. Но возникает вопрос: как брать в расчет? Просто как набор, конгломерат фактов и сведений? Видимо, идя таким путем, нельзя продвинуться вперед.

Все факторы, воздействующие на демографический процесс, всю совокупность причин, обуславливающих его те или иные изменения, можно охватить и исследовать действительно всесторонне и комплексно, если обратиться к тем изменениям, которые вызываются самим ходом развития общественного производства. Это ясно еще и потому, что все социальные факторы, воздействующие на развитие народонаселения, имеют первоочередную в общественном производстве.

Таким образом, дело вовсе не в математической операции, устанавливающей функциональную зависимость развития народонаселения от состояния производства. Дело в другом: в установлении системы многоканальных связей, идущих от производства к развитию народонаселения, и в обеспечении на этой единственно верной методологической основе подлинной комплексности изучения процессов, характеризующих развитие народонаселения.

Решение данной задачи выходит далеко за рамки какой бы то ни было одной научной работы, тем более статьи. Она должна решаться общими силами всех, занятых исследованием проблем народонаселения. Однако даже в рамках данной статьи можно попытаться обозначить саму схему интересующей нас связи. Вот какой нам эта схема представляется.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.

Первооснова развития общественного производства — производительные силы. В системе производительных сил главную роль играет рабочая сила человека, т. е. приводимая им в действие способность к труду¹. Функционирование рабочей силы одновременно означает и постоянное изменение вещественных факторов производительных сил, и наличие и постоянное изменение системы социально-экономических отношений между участниками общественного производства. На фундаменте этих социально-экономических отношений (экономического базиса общества) развивается система всех социальных отношений и представлений, включая даже такие отдаленные от непосредственного производства, как искусство или тем более религия.

Стало быть, первотолчок всему движению, исходящему от общественного производства и происходящему в нем самом, дают процессы, характеризующие изменения в главной производительной силе общества — в рабочей силе человека. Каков работник, что он должен делать, уметь и знать, — вот как, очевидно, выглядит то самое «начало начал», отправляясь от которого мы только и можем уверенно пройти через все сложные «коридоры» причинно-следственных связей, выводящие к конечной цели: к получению всесторонних представлений о развитии народонаселения и умению, на данной основе, прогнозировать такое развитие в соответствии с постоянно изменяющейся социально-экономической обстановкой, прежде всего с постоянно изменяющимся, говоря словами К. Маркса, «характером общественного человека».

Характеристику основных черт и перспектив развития главной производительной силы общества можно почерпнуть только из экономической науки, т. е. науки об общественном производстве. Сама экономическая наука, переживающая процесс постоянной и ускоряю-

¹ Мы ведем слова «приводимая им в действие» потому, что в литературе очень часто рабочая сила просто отождествляется со способностью к труду; этим рабочая сила человека по существу выводится из системы производительных сил. Между тем К. Маркс, говоря о рабочей силе, оставил следующее совершенно определенное указание: «Потребление рабочей силы — это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний вследствие этого становится actu [на деле] осуществляющей себя рабочей силой, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь potentia [потенциально]». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.)

щейся дифференциации, объединяет теперь целую систему самостоятельных (хотя и взаимосвязанных) наук. Основой всей этой системы является политическая экономия.

Опора на экономический анализ, на достижения экономических наук и прежде всего политической экономии — важное условие надежного методологического обеспечения любых исследований в социальной области, а исследования проблем народонаселения здесь выделяются лишь их особенно тесной связью с экономикой. Ведь большинство населения — это работники, главная производительная сила. Вся жизнь людей (включая и тех, которые еще или уже не принимают участия в общественном производстве) обусловлена в конечном счете тем, каков труд работника и каковы результаты этого труда. В свою очередь и характер труда, и его результаты, и тем более то, как эти результаты присваиваются и распределяются, — все это зависит от системы господствующих производственных отношений.

Всякий серьезный и глубокий анализ процессов развития народонаселения беспочвен без экономического подхода. Этот подход обязателен с позиций марксизма-ленинизма и противоборствует буржуазному мировоззрению, подменяющему научный анализ поверхностным описанием фактов с субъективистских позиций. Если марксизм-ленинизм в соответствии с перспективой безграничного развития коммунистического общества заинтересован в раскрытии сути явлений, законов социального развития, то главная цель буржуазной науки состоит в том, чтобы не пойти дальше фактов, лежащих на поверхности: только не идя «глубже», можно произвольно и субъективистски толковать эти факты в соответствии с целями буржуазной апологетики. Принципиальные коренные различия марксистско-ленинского и буржуазного мировоззрения вполне отчетливо обнаруживаются и при анализе проблем народонаселения.

Экономический подход определяет в качестве основы деятельность нашего общества, высшей целью которого является благо человека. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии сказал: «Для партии и Советского государства, как и предсказывал Ленин, экономика — это главная политика, политика, от успехов которой в решающей степени зависит по-

ступательное движение советского общества к коммунизму...»¹. Экономика — это и «главная политика» в области исследования и решения проблем народонаселения.

Из всего сказанного, однако, никак не следует, что экономический подход и комплексный подход — одно и то же; дело лишь в том, что первый — непрменная основа второго, на которой вырастают другие методологические звенья комплексного исследования. В целом такое исследование сосредоточивается в кругу задач специфической науки о воспроизводстве населения, т. е. демографии. Питаясь достижениями экономических наук и в первую очередь политической экономии, демография, во-первых, оказывает активное обратное воздействие на развитие экономической науки, во-вторых, широко сотрудничает с рядом других наук.

Обратное воздействие демографии на экономическую науку (как и демографических процессов — на экономические) связано с тем, что экономические исследования в любой области чрезвычайно затрудняются без ясных представлений о нынешней и перспективной численности населения и его структуре.

Сотрудничество демографии с другими науками в комплексном исследовании народонаселения охватывает ряд направлений. Особенно тесно это сотрудничество с демографической статистикой. С другой стороны, и демографическая статистика немыслима как область науки вне взаимодействия с демографией: статистический анализ и выводы из него лишь тогда обретают подлинную ценность, когда опираются на законы той формы движения, с которой этот анализ связан.

Комплексное исследование народонаселения предполагает включение в орбиту исследования экономико-географической науки. В этой сфере научного познания выявляется территориальное размещение населения в сочетании с территориальным размещением производства. Демография «питается» данными экономической географии в том смысле, что на этой основе решаются проблемы пространственного воспроизводства населения.

Еще одна важная область, которая должна охватываться комплексным исследованием народонаселения, — правовые аспекты регулирования демографических про-

цессов, т. е. проблемы, относящиеся к компетенции юридической науки. Правовые установления — дело субъективной воли людей, которая реализуется через соответствующим образом сформированные и функционирующие органы власти. Но воля людей объективно предопределена прежде всего экономикой общества и на этой основе другими объективными социальными процессами, в частности демографическими. Это определяет характер активного обратного воздействия правовых установлений на объективный процесс. Известно, например, что существующие правовые нормы (относительно низших границ возраста, при котором разрешается вступление в брак, порядка расторжения брака и охраны при этом интересов детей, и т. п.) оказывают немаловажное воздействие на демографическую динамику. Вместе с тем сила правовых норм в их соответствии объективно сложившемуся в обществе положению. Нормы, которые оказались бы в противоречии с этим положением,несли бы ущерб нормальному процессу развития.

Если говорить об изучении объективного положения применительно к проблемам народонаселения, то здесь дело прежде всего за развитием работ в области демографии. Поэтому во взаимодействии демографии с правовой наукой вторична последняя, и попытки от правовых установлений идти к анализу демографических процессов, а тем более к выявлению их тенденций в перспективе нельзя признать методологически оправданными. Напротив, анализ реального развития этих процессов должен служить мерой, по которой выверяется эффективность правовых норм, непосредственно относящихся к воспроизводству населения.

Как неоднократно подчеркивалось в нашей литературе, комплексность исследования народонаселения обеспечивается привлечением к этим исследованиям и представителей ряда других наук, в частности этнографии, теории градостроительства, психологии. И во взаимосвязи с этими научными направлениями первичными, несомненно, являются исследования в сфере демографии.

Особый интерес представляет участие социологии в комплексном исследовании народонаселения. Известно, что в течение длительного времени развитию социологии уделялось мало внимания. В последние годы

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, с. 31.

эта область науки усиленно развивается, и, как нам кажется, в порядке своего рода реакции на пренебрежение ею в прошлом, сейчас во многих сферах жизни проступает тенденция к переоценке возможностей социологии и конкретных социологических методов¹. Такая переоценка связана с тем, что неточно отражаются внутренние возможности социологических исследований. Нельзя себе, например, представить, что картина демографического процесса и его перспектив может быть установлена исключительно посредством сбора и обобщения всякого рода мнений, например об идеальном числе детей в семье.

Все объективные процессы преломляются в сознании людей, и, скажем, современные родители совершенно сознательно принимают решение о том, иметь или не иметь ребенка. Но ведь и объективные процессы развития производства тоже реализуются через сознание людей; тем не менее никому не приходит в голову анализировать и прогнозировать развитие производственных отношений на основе данных, имеющихся в распоряжении социологии. Социологические методы и социологические

¹ В интересующей нас здесь связи ярким подтверждением переоценки возможности социологии может служить, по нашему мнению, утверждение о том, что «демография тесно связана с различными общественными науками и в первую очередь с социологией, имеющей своим предметом общество, складывающиеся в нем общественные явления и закономерности функционирования социальных систем» (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1972, т. I, с. 375; разрядка наша. — Ю. Б.). С таким утверждением согласиться нельзя. Если под социологией понимать всю науку об обществе, сама постановка вопроса о «связи» с ней демографии отпадает, ибо демография просто оказывается частью социологии (как, скажем, и политическая экономия). Если же исходить из того, что, «пользуясь эмпирическими методами, социология изучает взаимосвязь разных социальных явлений и общие закономерности социального поведения людей» (Философский словарь. М., 1972, с. 383), становится возможным выделить специфическое место социологии как науки в системе обществоведения в целом. Это место определяется, прежде всего, способом изучения социального развития — использованием «эмпирическими методами»; иначе говоря, социология, подобно статистике, сосредоточиваясь на методе изучения общественных явлений, «обслуживает» всю науку об обществе, в частности и демографию. Однако выясненные таким путем «общие закономерности социального поведения людей», согласно материалистической философии, зависят от того, каковы в обществе экономические отношения, обусловленная ими социально-классовая структура. Эти обстоятельства подчеркнуты и в крупных работах советских социологов (см., например, Шубкин В. Н. Социологические опыты. М., 1970, с. 18—21).

исследования представляют существенную ценность в комплексном изучении народонаселения лишь тогда, когда верно определено их место. Последнее, по нашему мнению, обуславливается вспомогательной ролью этих методов, которые могут выступать как полезное дополнение к основным методам, определяемым демографической теорией. С помощью этих дополнительных методов можно уточнять, детализировать добытые теорией выводы, а также пополнять ту информационную базу, которая необходима демографии. В то же время только на основе демографической теории можно рационально строить социологические исследования демографических процессов и грамотно интерпретировать их результаты.

Одна из важнейших методологических проблем — взаимодействие демографии с естественными науками, прежде всего с медициной. Демографический процесс имеет биологические внутренние характеристики, от которых он, на любом уровне общественного развития, не может быть отделен. Рождение человека, его жизнь и смерть — это ведь и биологические процессы. Каково бы ни было воздействие моментов социальных, указанные процессы никак не могут утратить своей биологической составляющей. Известно, что указанное обстоятельство широко эксплуатировалось мальтузианством и составляет важнейший элемент «методологического» арсенала неомальтузианства.

Как нам представляется, во взаимодействии демографии и биологии следует различать два аспекта. Один из них связан, так сказать, с «вечными» характеристиками человека как продукта природы. К таким характеристикам относятся сам факт смены человеческих поколений через рождения и смерти; «заданная» структура рождающихся по полу; физиологические границы возраста, в котором женщина может рожать, и число возможных родов, определенная специфика женского организма, делающая его более жизнестойким, и т. п. В этом смысле можно говорить о первичности биологии по отношению к демографии: последняя не может игнорировать элементарные основы первой. Но в этом же смысле можно, хотя и не в такой непосредственной связи, говорить и о первичности биологии по отношению к общественным наукам вообще: общества нет до появления человека как

биологического существа с определенными, природой заданными свойствами. Иначе говоря, мы здесь остаемся в рамках банального факта: чтобы человечество было человечеством, оно должно биологически существовать.

Другой аспект взаимосвязи демографии с биологией имеет социальный смысл. Каковы фактические уровень и интенсивность рождаемости, средняя продолжительность жизни в тех или иных социальных условиях, соотношение между мужчинами и женщинами в их возрастной структуре — это уже не биологические, а социальные вопросы. И здесь уже общественная наука, в частности и демография, «задает тон» биологии (медицине). Медицина, например, должна, исходя из данных общественной науки, ответить на вопросы: какими именно изменениями в организме человека обуславливается продолжительность его жизни в различных социальных условиях, почему увеличивается разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин и т. п. Таким образом, если говорить о процессах развития народонаселения, надо констатировать и первичную роль общественной науки по отношению к биологии.

В комплексном изучении развития народонаселения оправдано, следовательно, множество самых разнообразных подходов: экономический, демографический, демографо-статистический, экономико-географический, правовой, этнографический, биологический и т. д. Такое множество подходов и создает базу комплексности. Последняя же обеспечивается лишь тогда, когда эти подходы субординированы в определенной системе, основанной на анализе экономического развития общества, на выделении демографии как особой науки, законы которой, т. е. собственно законы воспроизводства населения, порождаясь в конечном счете процессами, совершающимися в сфере экономики, предопределяют и способы, и формы участия других наук об обществе, а также биологии в исследовании народонаселения.

Г. Коростелев, Т. Нескоромная

АКТУАЛЬНОСТЬ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА «РАБОЧИЙ КЛАСС И НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО»

В июне 1973 г. исполнилось 60 лет со дня написания В. И. Лениным статьи «Рабочий класс и неомальтузианство». Эта статья имеет большое методологическое значение для анализа развития мальтузианства как одного из самых реакционных социально-экономических учений в буржуазной идеологии, а также для понимания отношения пролетарской партии к неомальтузианству.

Как известно, неомальтузианство представляет собой лишь форму мальтузианства: различие между ними заключается в средствах, которые предлагаются в качестве мер, ограничивающих деторождение. Если Мальтус в качестве таких мер предлагал безбрачие и воздержание в браке, то неомальтузианцы пропагандируют предохранительные меры против беременности. Идеи неомальтузианства высказывались уже во времена Мальтуса. Так, буржуазный радикал Ф. Плэйс (1771—1854 гг.) и сын великого социалиста-утописта Р. Д. Оуэн (1801—1877 г.) еще в первой трети XIX века выдвигали неомальтузианские идеи. К первым неомальтузианцам относится и Ч. Ноултон, утверждавший в книге «Плоды философии» (1831 г.), что гораздо нравственнее предупреждать зачатие детей, нежели после того, когда они уже родятся, умерщвлять их недостатком пищи, воздуха и одежды. Он защищал научные препятствия к размножению по той причине, что пока бедные люди имеют большие семейства, до тех пор бедность является необходимым последствием, а от бедности рождается преступление и болезнь.

Но особое внимание к неомальтузианским идеям привлекла деятельность соотечественников Мальтуса А. Бисент и Ч. Брэдлоу. С их именами связан шумный судебный процесс в Англии в 1878 г. в связи с запрещением продажи вышеупомянутой книги Ноултона. Вскоре А. Бисент опубликовала книгу «Закон народонаселения, его последствия и влияние на человеческое поведение»

(1878 г.), где она доказывала, что «принятие этого учения (неомальтузианства. — Г. К., Т. Н.) абсолютно необходимо для успеха социализма». Появилась серия брошюр («Большие или малые семейства?», «Государственные меры против бедности» и др.), в которых пропагандировались подобные же средства контроля над рождаемостью в качестве эффективных социальных мер против бедности и нищеты.

В 1877 г. Ч. Драйсдель организовал «мальтузианскую лигу». В выступлении на международном медицинском конгрессе в 1879 г. в Амстердаме он заявил, что «предупредительных мер достаточно самих по себе, чтобы без всякого другого средства устранить нищету»¹. Свой ежемесячный журнал, который начал издаваться с 1879 г., неомальтузианцы называли: «Мальтузианец. Крестовый поход против бедности». В организации этого «похода» принимали участие крупные банкиры, капиталисты, издатели крупных газет и другие деятели.

Подобные же союзы были организованы в последующие годы в ряде других крупных европейских стран (Нидерландах — в 1882 г., Германии — в 1892 г.), а в 1900 г. в Париже была создана «Международная федерация возрождения человечества», уже претендовавшая на всемирный характер. На международной конференции в 1910 г. было представлено 18 филиалов этой организации.

Широкое распространение мальтузианства в этой новой форме было проявлением того процесса загнивания капитализма и обострения его противоречий, о которых писал В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Оно явилось реакцией идеологов буржуазии на широкое распространение идей научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса.

В конце XIX века активизируется пропаганда мальтузианства (в том числе и неомальтузианства) и в России. Развитие капитализма и присущих ему противоречий, возникновение в России революционной ситуации, усиление идейной борьбы привело к мальтузианству многих идеологов буржуазии. Немалая «заслуга» в распространении идей Мальтуса в России принадлежит

¹ Эльстер Л. Экономисты современной эпохи и Роберт Мальтус. — В кн.: Новые идеи в экономике. Сб. 2. СПб., 1914, с. 106.

«легальным марксистам» (Г. Струве, С. Булгакову, М. Туган-Барановскому).

В работах В. И. Ленина конца XIX — начала XX веков мальтузианская позиция Струве и его сторонников получила решительный отпор. В. И. Ленин не только защитил марксистскую теорию народонаселения, но и развил ее по целому ряду вопросов¹. Он отметил также и проявления неомальтузианства, свойственные С. Булгакову.

С. Булгаков считал нравственное воздержание, к которому призывал Мальтус, лицемерной жестокостью. Он полагал, что люди в будущем станут сознательно приебосабливать рождаемость к хозяйственным условиям, и помощь им в этом окажет наука. По его мнению, подобные взгляды в России получают распространение только в том случае, если будут изменены нравы, преодолены лицемерие и предрассудки². В. И. Ленин, конспектируя книгу Булгакова «Капитализм и земледелие», сделал такую запись: «Новомальтуз[ианство], созн[ательное] присп[особление] рожд[аемости]»³.

Но если Булгаков считал, что неомальтузианская практика в России распространится лишь в будущем, то многие врачи придерживались совершенно иного мнения. Так, доктор А. Б. Розенбаум в 1903 г. писал: «...У нас по настоящий день боятся об этом открыто говорить, хотя мы культ мальтузианизма почитаем не менее французов»⁴. Автор указывал на связь между неомальтузианством и теорией «свободной любви»: «...Если уменьшение деторождения ведет к уменьшению пауперизма, то безбрачие должно в результате дать по меньшей мере спокойное и безбедное существование, а отсюда уже один шаг к пресловутой «свободе любви», что в действительности и случилось»⁵.

¹ См. подробнее: Смуглевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, гл. I. М., 1959; Ленин и теория народонаселения. — В кн.: Ленинские идеи об охране здоровья народа. М., 1961; Коростелев Г. М. В. И. Ленин и некоторые проблемы теории народонаселения. — В кн.: Некоторые проблемы диалектического и исторического материализма. Свердловск, 1971; и др.

² См.: Булгаков С. Капитализм и земледелие, т. II, СПб., 1900, с. 223—224.

³ Ленинский сборник, XIX, с. 123.

⁴ Розенбаум А. Б. Мальтузианизм и деторождение. СПб., 1903, с. 129.

⁵ Там же, с. 19.

С открытым обращением к русской женщине выступил Л. Н. Толстой. Он указывал, что женщина начала отступать от закона, предписанного ей еще Библией, — закона рождения детей, называя это падением женщины, которое совершается все дальше и дальше. «Женщина, потеряв закон, поверила, что ее сила в обаянии, прелести или в ловкости фарисейского подobia умственного труда. А тому и другому мешают дети. И вот, с помощью науки... сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода... Зло уже далеко распространилось и с каждым днем распространяется дальше и дальше...»¹. Здесь важно отметить, что великий русский писатель выступает против практики ограничения рождаемости, получившей уже известное распространение в России. Он указывал на преобладание этой практики среди богатой части населения. Так, в дореволюционном Петербурге за период 1909—1912 гг. общая плодovitость в наиболее бедных группах населения была в три с лишним раза выше, чем в наиболее богатых².

О распространенности практики регулирования рождаемости могут дать определенное представление коэффициенты рождаемости. Так, в 1906 г. средний коэффициент рождаемости по 50 губерниям европейской части России был равен 46,8‰, причем почти половина всех губерний имела коэффициент рождаемости от 40 до 50‰. В то же время Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии имели рождаемости ниже 30‰³. Это означает, что в этих губерниях уже была распространена практика регулирования рождаемости. При этом число рождений ограничивалось в основном в семьях католиков, протестантов и иудеев⁴. Регулирование рождаемости осуществлялось главным образом при помощи абортов, а поскольку аборты были официально запрещены, то в России все время увеличивалось число подпольных абортов. Это не могло не тревожить врачебную общественность.

В 1913 г. состоялся XII Пироговский съезд врачей, программным вопросом которого по отделу акушерства и женских болезней была тема «Искусственный выки-

¹ Толстой Л. Н. Правда о женщинах. Одесса, 1902, с. 7.

² См.: Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958, с. 173.

³ См.: Урланис Б. Ц. История одного поколения. М., 1968, с. 87.

⁴ См.: Там же, с. 89.

дыш». Отмечая широкое применение абортов, Я. Е. Выгодский предлагал принимать меры по предупреждению беременности. «Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, являются меры, предохраняющие от беременности. Нужно стремиться к усовершенствованию и распространению этих мер»¹.

Пироговский съезд врачей и выступления на нем ряда делегатов стали объектом внимания В. И. Ленина и поводом для написания им статьи «Рабочий класс и неомальтузианство», опубликованной в газете «Правда» 16 июня 1913 г. В этой статье В. И. Ленин поддержал решение Пироговского съезда, что уголовное преследование матери за искусственный аборт не должно иметь места, а врачи должны преследоваться за это лишь в случае корыстных целей. В. И. Ленин писал, что большевики требуют «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие законы — одно лицемерие господствующих классов. Эти законы не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс»².

В. И. Ленин привел в статье данные из доклада врача Л. Г. Личкуса, что в Петербурге процент искусственных выкидышей увеличился за пять лет более чем вдвое³. Врач Н. А. Вигдорчик на основе специального обследования установил, что «эта эпидемия выкидышей захватила и городской пролетариат... В рабочей среде стали смотреть на искусственный выкидыш как на нечто весьма обыденное и притом легко доступное»⁴. Подпольные аборты подрывали здоровье женщин-работниц, приводили зачастую к смертельным исходам. Все это происходило в условиях ухудшения материального положения

¹ Двенадцатый Пироговский съезд врачей. Вып. 2. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. СПб., 1913, с. 88.

² Ленин В. И. Рабочий класс и неомальтузианство. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 257.

³ См.: там же, с. 255.

⁴ Цит. по кн.: Урланис Б. Ц. История одного поколения. М., 1968, с. 88.

рабочих; возростала степень их эксплуатации, а реальная заработная плата падала. В. И. Ленин отмечал рост дороговизны жизни: за 6 лет — с 1908 по 1913 г. — цены возросли на 24%¹, что значительно опережало рост заработной платы. Так, за период 1901—1905 гг. средний заработок фабрично-заводского рабочего в России составил 206 руб., а за следующее пятилетие (1906—1910 гг.) — 238 руб.², т. е. заработная плата увеличилась всего на 15%.

В мальтузианском духе попытался истолковать причину этого роста дороговизны жизни бывший «легальный» марксист М. И. Туган-Барановский. «С моей точки зрения, — писал он в 1912 г., — основная причина вздорожания жизни совершенно ясна. Это — огромный рост населения, и притом преимущественно городского. Рост населения вызывает переход к более интенсивным приемам обработки земли, что, по известному закону падающей производительности сельскохозяйственного труда, приводит к возрастанию трудовой стоимости единицы продукта»³.

В. И. Ленин, подвергнув резкой критике эти рассуждения кадетского профессора, показал, что не «закон падающей производительности сельскохозяйственного труда» (это «буржуазная ложь»), а «монополия на землю, т. е. нахождение ее в частной собственности» — одна из причин вздорожания жизни. И покончить с ним может «только организация рабочих для отстаивания своих интересов, только устранение капиталистического способа производства»⁴.

В противоположность этому сторонники неомальтузианства (и в этом проявляется социальная сущность этого учения) доказывали, что рабочие могут добиться улучшения своего положения и сокращения безработицы путем ограничения деторождения. М. И. Туган-Барановский писал: «Борьба между отдельными лицами все обостряется, и человек не может не стремиться избегать всего, затрудняющего его положение в этой беспощад-

¹ См.: Ленин В. И. Дороговизна жизни и «тяжелая» жизнь капиталистов. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 179.

² Ленин В. И. Язык цифр. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 427.

³ Туган-Барановский М. И. Вздорожание жизни. — «Речь», 1912, № 272.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 154.

ной борьбе»¹. Этих взглядов придерживались и некоторые теоретики германской социал-демократии².

Критикуя подобные взгляды, А. М. Коллонтай указывала, что хотя «неомальтузианство (понимаемое ею как практика ограничения рождаемости. — Г. К., Т. Н.) облегчает жизненный конфликт для отдельных, частных случаев», тем не менее «практика неомальтузианства совершенно бессильна разрешить проблему материнства»³ в рамках капитализма.

Полемизируя с марксистами, известный экономист П. П. Маслов утверждал, что возражений марксистов против неомальтузианства и его рецептов борьбы с нищетой бьют мимо цели, так как «неомальтузианство ищет и — по мнению его сторонников — находит путь к немедленному улучшению положения рабочих»⁴. П. П. Маслов глубоко заблуждался, ибо марксизм давно разработал учение как о коренном условии ликвидации нищеты и безработицы пролетариата (уничтожение капиталистического строя), так и пути немедленного (хотя и частичного) улучшения положения рабочих, каковым является забастовочная борьба.

Но сторонники неомальтузианства как социального учения не ограничивались только вышеприведенными доводами об ограничении числа детей в рабочих семьях как средстве улучшения их экономического положения. Неомальтузианская практика демографического поведения стала подаваться и как орудие политической борьбы. Так, в «Нейе Цейт» — органе австрийской социал-демократии, утверждалось: «Чтобы бороться, мы должны быть способны к бою... мы должны стремиться уменьшить кадры безработных, а для этого мы должны ограничить число своих детей». В некоторых городах Германии в 1913 г. была даже объявлена «стачка деторождения», итогом которой должно было стать лишение кайзера солдат, а капиталистов — рабочих. «Вы отказы-

¹ Туган-Барановский М. И. Теория народонаселения при свете новых фактов. — В кн.: Новые идеи в экономике. Сб. 2. СПб., 1914, с. 21.

² См. об этом: Смулевич Б. Я. Материнство при капитализме и социализме. М., 1936.

³ Коллонтай А. М. Общество и материнство. Вып. II. М., 1922, с. 504.

⁴ Маслов П. П. Наука о народном хозяйстве. Изд. 2-е. М.—Пг., 1923, с. 493.

ваете государству в солдатах, а все-таки поставяете ему почти весь контингент армии, — говорили социал-демократические агитаторы. — Надо быть последовательными и действительно не давать солдат, т. е. не рождать детей»¹.

С этими положениями перекликались некоторые выступления участников XII Пироговского съезда врачей. Так, доктор И. Д. Астрахан заявил: «Мы должны убеждать матерей рождать детей, чтобы их калечили в учебных заведениях, чтобы для них устраивались жеребьевки, чтобы их доводили до самоубийства!»² Именно эта социальная сторона дела вызвала решительную отповедь В. И. Ленина. Он показал убожество этого «социального неомальтузианства», его пессимистическую сущность. В. И. Ленин пишет: «...Рождать детей, чтобы их калечили...» Только для этого? Почему же не для того, чтобы они лучше, дружнее, сознательнее, решительнее нашего боролась против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение?»³

В. И. Ленин показывает, откуда проистекает этот социальный пессимизм. Он коренится в психологии мелкого буржуа, который «видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное... И мелкий буржуа протестует... как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа»⁴.

В. И. Ленин вскрыл мелкобуржуазную классовую природу неомальтузианства начала XX века. Неомальтузианство как разновидность мальтузианства было отражением социальной психологии мелкого буржуа эпохи начала империализма, когда процесс разложения мелкой буржуазии (как города, так и деревни) значительно ускорился. Это давление мелкобуржуазной психологии

¹ Цит. по: *Смулевич Б. Я.* Материнство при капитализме и социализме, с. 110.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 255.

³ Там же, с. 256.

⁴ Там же, с. 256.

сказалось и на практической деятельности отдельных социал-демократических партий, оппортунистические деятели которых были непрочь заигрывать с неомальтузианством. В этих условиях неомальтузианство отвлекало внимание рабочих от действительно пролетарских методов борьбы с капитализмом. Борьба против неомальтузианства как идеологии в то же время была борьбой за чистоту марксистской теории классовой борьбы.

В. И. Ленин решительно выступил «против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества»¹.

Работа В. И. Ленина имела большое значение для своего времени. Она явилась логическим продолжением борьбы против мальтузианства и форм его проявления в России. В этой статье показано политическое и идеологическое следствие мальтузианских ошибок. Она помогла сознательным рабочим разобраться в социальной сущности неомальтузианства, отделить требования свободы медицинской пропаганды и «охраны азбучных демократических прав гражданина и гражданки» от социального учения неомальтузианства.

Эта работа имеет огромное значение и в настоящее время.

Современное мальтузианство — это идеология империалистической буржуазии, используемая для борьбы против марксистско-ленинского учения об обществе и основных законах его развития. Современные последователи Мальтуса обращаются к его идеям, чтобы путем абсолютизации демографических факторов оправдать безработицу и нищету населения развитых капиталистических стран, снять ответственность за империалистов за развязывание войн и последствия колониального господства. Особенностью современного этапа развития мальтузианства является преимущественное внимание его идеологов к проблемам, связанным с быстрыми темпами роста населения стран «третьего мира», т. е. так называемым «демографическим взрывом». Спекулируя на реальных фактах нищеты, безработицы, низкого материального и культурного уровня жизни трудящихся

¹ *Ленин В. И.* Рабочий класс и неомальтузианство. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 257.

масс многих развивающихся стран, усугубляемых к тому же большим приростом населения этих стран, мальтузианцы наших дней делают упор на «демографическое решение» этих проблем, на пропаганду контроля над рождаемостью. В наши дни особенно актуальны предостережения В. И. Ленина против попыток навязать это учение передовому классу современности.

Марксисты, признавая определенные трудности, возникающие в ряде развивающихся стран вследствие быстрых темпов роста народонаселения (достигающих 2,5 и даже 3% в год), вместе с тем решительно выступают против мальтузианской трактовки причин экономической и культурной отсталости народов этих стран, против преувеличения значения демографической политики как средства решения этих проблем. Только коренные социально-экономические и культурные преобразования могут разрешить проблемы, с которыми столкнулись народы, преодолевая последствия колониализма.

А. Антонов

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ МОТИВАЦИИ

Для правильного прогнозирования роста населения большое значение имеет точность прогнозов рождаемости. В свою очередь предвидение будущих тенденций рождаемости зависит от строгости научного изучения фактического репродуктивного поведения, складывающегося из всего многообразия действий и отношений личности, опосредующих рождение детей или отказ от деторождения¹. Б. Ц. Урланис отмечает, что роль волевого фактора в демографических процессах, особенно в рождаемости, весьма высока, и потому именно в этой области изучения поведения человека «больше всего точек соприкосновения демографии и социологии»². Э. А. Араб-Оглы говорит, что, чем глубже демографическое исследование, тем большее значение приобретает исследование мотивов поведения людей и наиболее ярко значение мотивации проявляется в области рождаемости³.

Статистические показатели рождаемости складываются

¹ Понятие «репродуктивное поведение» впервые введено (как более емкое по сравнению с «внутрисемейным планированием» и тому подобными словосочетаниями оценочного характера) в статьях В. А. Борисова, подчеркивающего существенное различие между категориями «плодовитость» (биологическая способность к зачатию и рождению детей) и «рождаемость» (реализация потенциальной способности в определенных социальных, экономических и психологических условиях). См.: Борисов В. А. Демография и социальная психология. М., 1970, с. 8 (ССА, VII Межд. социол. конгресс. Варна, 1970); Борисов В. А. О категориях «рождаемость» и «плодовитость». — В кн.: Население и народное благосостояние. М., 1971. Труды МЭСИ.

Понятие «репродуктивное поведение» начинает все чаще употребляться в советской демографии, однако содержание его трактуется, например, В. А. Беловой, Л. Е. Дарским и В. П. Гореликом без проведения различия между рождаемостью и плодовитостью.

² Урланис Б. Ц. Демография и социология. — В кн.: Социология и идеология. М., 1969, с. 421.

³ См.: Араб-Оглы Э. А. Социологические проблемы демографии. — В кн.: Проблемы демографии. Под ред. Д. Л. Бронера и И. Г. Венечкого. М., 1971, с. 23.

ся из результатов взаимодействия реализуемых репродуктивных решений, принимаемых индивидуально миллионами людей, на основе той или иной мотивации, обусловленной социально-экономическими факторами. Таким образом, репродуктивная мотивация предшествует репродуктивным действиям и определяет их постольку, поскольку люди ставят перед собой цели и стремятся к их достижению.

Интерес к репродуктивной мотивации¹, и в частности к репродуктивным установкам как механизмам регуляции репродуктивного поведения, образует специфику социально-психологического подхода к изучению рождаемости.

Анализ репродуктивного поведения личности и семьи на основе марксистской методологии выдвигается в ряд важнейших задач социологии семьи, демографии и психологии семейных отношений.

Сфера репродуктивного поведения наиболее трудна для изучения как в связи с комплексным характером предмета исследования, так и из-за неразработанности теории репродуктивного поведения (в том числе и его социально-психологических аспектов), а также методики проведения конкретных исследований. Например, путаница в использовании понятий «мнение», «мотив», «причина» часто приводит к ошибкам в анализе. Данные опроса обычно отождествляются с подлинными мотивами и затем мнения опрошенных непроизвольно превращаются в «причины» репродуктивных поступков.

Необходимо постоянно иметь в виду различие между мнениями людей о своих мотивах и фактическими мотивами поведения, в которых выражается субъективный

¹ Под *репродуктивной мотивацией* понимается совокупное действие репродуктивных установок и мотивов, направляющих поступки личности на основе движущего механизма репродуктивного поведения — индивидуальной потребности в детях. Общественная потребность в воспроизводстве населения, и конкретнее — социальная потребность в детях (постановка проблемы потребности в детях принадлежит В. А. Борисову в его работе «Проблемы факторов рождаемости». Автореф. канд. дисс. М., 1971), отражается в общественном сознании, в частности в социальных нормах «детности» (рождения определенного числа детей) различных социальных групп, которые привлекаются во внимание личностью и специфически преломляются в ее структуре установок и мотивов, образуя индивидуальную потребность в детях, различную по степени осознания и по силе проявления. Анализ генезиса и сущности человеческой потребности в детях показывает, что эта проблема выходит далеко за пределы демографии.

мир сознания, отражающий объективные причины действий. Однако проблема соответствия мнений о намерениях людей мотивам и установкам как действительным побудителям поступков, уходящая своими корнями в анализ глубин человеческой психики, остается во многом нерешенной в связи со своей чрезвычайной сложностью.

Обращая внимание на неразработанность проблемы соотношения мнения о мотиве с самим мотивом, вызывающим действие, мы не только предостерегаем от поверхностного отношения к интерпретации данных опроса. Здесь пролегал граница современного научного знания о психологии человеческого поведения. «Рубеж намечается... по той причине, что мы еще не располагаем разработанной теорией, которая осветила бы фундаментальное... различие, существующее между двумя нетождественными видами «готовности», — той, которая находит выражение *только* в вербальном «желании», и той, которая проявляется в форме «подлинной установки»¹. Ф. В. Бассин показывает, что для преобразования готовности типа «желания» в готовность типа «подлинной установки» необходимо участие неосознаваемых форм высшей нервной деятельности, т. е. «бессознательного» (включенного в структуру нормальной повседневной деятельности человека), понимаемого в узком смысле как неосознаваемая форма психики и анализируемого в советской психологии с помощью категории «установка»².

Подчеркивая реальность бессознательного, в корне противоположного его психоаналитической трактовке, Ф. В. Бассин проводит мысль о диалектическом взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых форм психики в регуляции поведения, и добавим — в том числе и репро-

¹ Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968, с. 349.

² См.: Там же, с. 238, 349—351, 371—374.

Теория установки разрабатывается школой Д. Н. Узнадзе, современные представители которой проводят различие между осознаваемыми и неосознаваемыми установками (Прангшвили А. С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967). Различие между видами «готовности» формулируется Б. Грином как различие между «вербальными установками» и «установками действия», но конституирующими признаками для установки вообще он считает черты вербальных установок, сводя тем самым установку к мнению (Грин Б. Измерение установки. — В кн.: Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966). Терминологическое различие между вербальными установками и установками действия используется нами в последующем изложении.

дуктивного поведения. Углубление знаний о конкретных механизмах регуляции поведения связывается им с непременным использованием специальных методов измерения — «объективно контролируемых приемов»¹, фиксирующих в рамках научных категорий эти процессы регуляции.

Теоретическая и практическая значимость изучения репродуктивного поведения и его социально-психологических аспектов приводит, на наш взгляд, к необходимости систематического исследования репродуктивных установок. В данной статье вопросы методологии подобного исследования затрагиваются лишь отчасти, так как внимание сосредоточено на методах исследования и процедурах измерения репродуктивных установок, т. е. установок индивидов относительно приемлемости для них рождения детей и о всех соответствующих этой приемлемости условиях, предрасполагающих к готовности иметь или не иметь ребенка².

Существующие методы измерения репродуктивной мотивации разрабатываются и совершенствуются в рамках выборочных опросов по выявлению в основном мнений женщин относительно величины семьи в ближайшем и отдаленном будущем. Установление мнений производится с помощью вопросов о мотивах ограничения числа детей и обстоятельствах, препятствующих рождению детей, а также с помощью специальной системы показателей — показателей числа детей, среди которых наибольшее распространение получили идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. Важной особенностью данных показателей является цифровая форма их выражения, облегчающая сложную для общественных наук проблему квантификации социальных объектов³. Пока-

¹ Бассин Ф. В. Проблема бессознательного, с. 374.

² См.: Антонов А. И. Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи. — В кн.: Динамика изменения положения женщины и семьи. М., 1972 (в трех сборниках), с. 13—24.

³ Идеальное число детей то, которое вообще лучше всего иметь; желаемое — то, которое лучше всего иметь в семье респондента, а не вообще; ожидаемое — ожидаемое в будущем число детей. (Изучение мнений о величине семьи. Под. ред. А. Г. Волкова и Л. Е. Дарского. М., 1971, с. 8—9.) Разной в толковании смысла этих показателей — лишнее свидетельство в пользу необходимости теории репродуктивных установок. Первый шаг в преодолении этого недостатка сделан

затели мнений о числе детей могут служить важным дополнительным средством при прогнозировании рождаемости; наилучшими возможностями в этом отношении обладает показатель «ожидаемое число детей»¹.

Появление этих новых показателей, фиксирующих информацию о состояниях общественного сознания, посредством регистрации мнений, знаменует собой новый этап в развитии демографии — внимание концентрируется на личности как субъекте социального действия, а не как единице счета в массовых событиях. Этим фактом подтверждается дальнейшее сближение демографии с социологией и социальной психологией. Поэтому необходимо рассматривать показатели числа детей и с точки зрения тех требований, которые предъявляются опросу вообще в системе методов марксистской социологии.

Важнейшая проблема, возникающая при опросе, это обоснованность измерения² репродуктивных установок личности, которая является составной частью проблемы надежности измерения, включающей обоснованность, устойчивость и точность измерения³.

В настоящее время проблема обоснованности измерения репродуктивных установок и даже отдельных сторон их с помощью показателей мнений о числе детей остается во многом неясной. Успех в ее решении зависит прежде всего от расширения практики панельных и монографических исследований по сопоставлению мотивации

В. А. Беловой и Л. Е. Дарским, которые в своей недавно вышедшей в свет книге трактуют степень совпадения данных по трем показателям числа детей как степень гармоничности репродуктивной установки. (Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972.)

¹ Дарский Л. Е. Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии, с. 177.

² Совершенно прав Б. Грин в том, что «вопрос об обоснованности выдвигается на первый план только тогда, когда мы пытаемся использовать шкалы, основанные на извлеченных вербальных установках как показатель установки действия» (Грин Б. Измерение установки. — В кн.: Математические методы в современной буржуазной социологии, с. 241). Однако отмечавшееся выше сведение Б. Грином установки к вербальной установке оставляет по существу вопрос обоснованности измерения нерешенным в буржуазной социологии, так как эта тенденция характерна не для одного Б. Грина.

³ См.: Ядов В. А. Социологическое исследование. М., 1972, с. 79, 82—90.

с фактическим поведением¹. Имеется еще одно условие обоснованности измерения репродуктивных установок. Оно состоит в требовании измерения действительных репродуктивных мотивов, раскрывающих «подоплеку» репродуктивных поступков человека. Структура мотивов, отражающая систему ценностей личности, также является показателем репродуктивной установки². В. С. Комаровский приходит к выводу, что «для выявления установки необходимо фиксировать как реальные действия индивида по отношению к объекту, установка к которому измеряется, так и субъективное отражение этих действий в сознании индивида, причем назначение последних не в дополнительном контроле реальных действий, а в первую очередь в раскрытии мотивов деятельности»³.

Другими словами, обоснованность измерения репродуктивных установок, обуславливающих поведение, т. е. установок действия, зависит и от точности измерения репродуктивных мотивов — выбираемых человеком и всегда осознаваемых целей действий⁴, в отличие от установок, которые могут и не осознаваться. Мнение как высказывание о мотиве может даже исказить реальный мотив. Поэтому несовпадение поведения с ожиданиями респондентов и их объяснениями «причин» своих действий может считаться несовпадением только в том случае, если есть уверенность в надежности измерения самих мотивов.

Социологическими исследованиями установлено, что степень надежности данных опроса о мотивах зависит от трех основных условий: от возможности выражения подлинных мотивов, создаваемой условиями проведения

¹ Степень соответствия намерений последующим репродуктивным действиям, выявление которой имеет огромное значение для успеха демографической политики, может изучаться посредством: а) панельных — продольных — исследований одних и тех же контингентов опрошиваемых и б) монографических исследований отдельных людей и семей в течение длительного времени.

² Этот момент упущен В. А. Беловой и Л. Е. Дарским при выяснении соотношения репродуктивных установок и мотивов. Следует отметить, что понятие репродуктивной установки редуцируется авторами к ее эмпирическим индикаторам.

³ Комаровский В. С. Некоторые проблемы измерения социальных установок. — «Вопросы философии», 1970, № 7, с. 26.

⁴ См.: Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972, с. 19.

опроса и измерительной техникой; от способности респондента к точной передаче собственных побуждений, в основном определяемой возможностью осознания своих мотивов; от готовности опрошиваемых отвечать правдиво, от желания или нежелания отвечать вообще¹.

С точки зрения названных критериев рассмотрим особенности показателей числа детей и методики выявления только мотивов ограничения числа детей, так как в отечественной литературе мотивация в плане раскрытия потребности в детях пока еще специально не изучалась.

Возможность адекватного выражения намерений с помощью показателей числа детей достаточно высока в связи с количественной формой ответа. Однако вероятность ошибки все же остается и зависит от формулировки вопроса. На это обращают внимание В. А. Белова и Л. Е. Дарский, подчеркивая различия в истолковании и формулировании трех основных показателей числа детей². По нашему мнению, это связано с отсутствием исходных теоретических положений, которые объясняли бы корреляционные соотношения демографических показателей с показателями социально-психологических явлений, опосредствующих поведение.

Трудности формулировки вопросов определяются неоднозначностью слов. Например, выражению «иметь детей» может придаваться неодинаковый смысл различными людьми, тем более представителями разных национальностей и культур. Понятия «родить» и «иметь» детей могут расходиться по смыслу в странах с высокой и низкой детской смертностью и не всегда быть синонимами³. Возможны и другие толкования: «иметь детей» — не обязательно производить на свет их самому, «иметь» может означать «усыновить».

Многозначность слов следует особо учитывать в условиях нашего многонационального государства. Потребность в сопоставимости данных по СССР требует создания унифицированных методик опроса и преодоления языковых барьеров при переводе вопросов анкеты.

¹ См., например, Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 253—271.

² См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 50, 69, 105.

³ См.: Там же, с. 41.

Проблема перевода усложняется при передаче различных оттенков намерений — «желаете», «ожидаете», «собираетесь», «хотите», «планируете» и т. п. Неоднозначность понимания в связи с лингвистическими трудностями усугубляется искажениями социально-психологического характера. Например, респондент при ответе на вопрос о наилучшем, идеальном числе детей, может выражать мнения представителей его референтных групп: мнение супруга или свои взгляды на этот счет.

Неточность формулировки вопроса о мотивах поступков особенно опасна в связи с возможным удвоением его смысла. Так, если вопрос сформулирован через предлог «или», то можно получить два близких, но не совпадающих друг с другом ответа. У В. Беловой и Л. Дарского вопрос о мотивах ограничения числа детей предполагает один ответ о «причинах» того, почему имеется фактически меньше детей, и второй — почему собираются иметь меньше, чем хотелось бы¹. Путем сопоставления ответов с реальным числом детей можно, конечно, установить, к какому именно «или» относятся полученные данные, но неопределенность подобной информации все же остается. Ведь часть респондентов может иметь детей меньше, чем хочется, — по одним мотивам и намеревается в будущем иметь меньше в сравнении с «идеалом» — по совершенно другим побуждениям. Интерпретация собранного материала затрудняется еще и потому, что по замыслу ученых надо было назвать только один мотив из предлагаемого набора или ни одного вообще, тогда как участники опроса выбирали сразу несколько мотивов². При анализе собранных данных авторы склонились к тому «или» которое выясняет, почему люди фактически имеют меньше, а не собираются иметь меньше детей³.

Возможность неадекватного высказывания увеличивается при отсутствии ответа типа «не знаю» и в закры-

¹ См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 35.

² См.: Белова В. А. Величина семьи и общественное мнение. — В кн.: Факторы рождаемости. М., 1971, с. 48. В публикации освещаются результаты исследования лишь по Белоруссии. Автор отмечает, что только 42,9% женщин поняли наш вопрос так, как мы хотели. Причина этого и в двусмысленности формулировки вопроса, и в отсутствии подробных разъяснений по поводу заполнения анкеты, и того как надо отвечать на закрытые вопросы.

³ См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 123.

тых вопросах о мотивах и при закрытии вопросов о числе детей⁴. По нашему мнению, несмотря на незначительную долю не ответивших на некоторые или все вопросы, этот факт должен настораживать. Какая-то часть людей действительно может не иметь определенного суждения не только относительно точного указания числа детей (один или два, два или три ребенка и т. д.), но и в отношении самого намерения иметь их. Не видя в анкете возможности для выражения своих неопределенных взглядов, эти люди в наихудшем случае станут отписываться и давать стереотипные ответы. Наилучший для исследования исход, когда респондент, не найдя вариант «затрудняюсь ответить», пропускает вопрос, не отвечая на него. При включении ответа «не знаю» для нежелательных отвечать открывается возможность для санкционированного уклонения от ответа, не прибегая к неискренности или отказу от участия в опросе. Несоблюдение этого правила техники опроса искусственно завышает недостоверность информации.

Невозможность высказать мотив может быть связана с неполным закрытием вопроса, предлагающим не все имеющиеся в действительности варианты объяснений и целей действий. Этот недостаток не устраняется, даже если в конце перечня мотивов появляется «спасительная» приписка, призывающая указать непредусмотренные ответы. При раскрытии структуры мотивов, отражающих потребность в детях, положение осложняется, так как пробелы в теории репродуктивных установок не позволяют сейчас выработать полный набор репродуктивных мотивов.

Важна также последовательность перечисления вариантов ответа в списке и место расположения варианта в перечне. При пилотажной отработке современных методик в каждом конкретном исследовании следует манипулировать и расположением готовых ответов, поскольку расположение данного варианта в конце списка или в начале его имеет различную значимость, вероятность и частоту выбора.

Организация проведения самого обследования (заполнение анкет на работе или дома, с анкетером или без

⁴ Если вопрос о числе детей остается открытым, то в пояснении надо подчеркнуть, что на вопрос можно не отвечать при отсутствии определенного суждения.

него и т. п.) влияет на возможность высказывания и его точность. В случае заполнения анкеты дома респондент может давать ответы под влиянием других членов семьи, родственников, соседей, знакомых. При заполнении анкеты в присутствии анкетера возможно также неконтролируемое воздействие исследователя на опрашиваемого. Поэтому одна из задач организации обследования состоит в устранении непосредственного влияния окружающей среды. Другая задача — обеспечить такую организацию исследования, которая, создавая объективные условия анонимности, смогла бы найти способы удостоверения в том, что респонденты действительно полагаются на гарантии исследователей и верят в анонимность своего участия. Подобная процедура, по-видимому, не практикуется вообще, но необходимость в ней очевидна в связи с изучением репродуктивной мотивации, относящейся к сугубо личной и потому тайной для многих сферой жизни, интимность которой исключает стремление посвящать в нее других людей.

Нежелание высказаться в своей крайней форме приводит к отказу от заполнения анкеты и может быть продиктовано убеждением в безнравственности подобного рода научных исследований.

Нежелание отвечать правдиво принимает формы застенчивого утаивания, полуправды и откровенного искажения позиции. Оно может быть связано с чувствами страха, стыда, протеста, тщеславия и т. д., поскольку влияние эмоций на искренность мнения становится особенно сильным, когда обсуждаются проблемы интимного свойства¹. Поэтому важно учитывать те особенности проведения исследования и вопросника, которые могут усугубить действие названных факторов.

Невозможность устранить те или иные помехи в определенной степени остается всегда. Поэтому необходимо применять весь арсенал способов контроля и средств учета искажений. С этой точки зрения современные методики выявления мнений о величине семьи оказываются

¹ Специфической формой утаивания является обнаруженный В. Беловой и Л. Дарским факт «снижения искренности ответов» в силу «своеобразного чувства вины», вызванного тем, что люди имели меньше детей, чем, по их мнению, надо бы. Отсюда стремление как-то оправдать себя и дать ответы, которые наименее осуждаются (Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 87).

весьма уязвимыми¹. Постановка вопроса в показателях числа детей сама по себе является «любовой», так как прямой вопрос выражается в личной форме. Вопросы о мотивах ограничения рождаемости и использования тех или иных противозачаточных средств, а также о мотивах абортов и т. п. тем более могут настораживать опрашиваемых, вызывать отрицательное отношение к исследованию и в случае невозможности уклонения от опроса при одновременной невозможности ответить «не знаю» — толкнуть на путь обмана и отписок. Наличие призывов к «искренности и серьезности» ответов в преамбуле анкеты не спасает положения.

Контроль степени отклонения мнения от действительного мотива является обязательной процедурой всякого социологического изучения мотивации и достигается включением в вопросник контрольных вопросов разного рода: сочетания открытых и закрытых вопросов, прямых и косвенных, личных и безличных, введения проективных, фильтрующих вопросов, а также специальной композиции вопросов в анкете, специальными приемами группировки вопросов при анализе данных и т. д.²

Важность контроля искренности ответов усиливается, если учесть, что нежелание отвечать правдиво не всегда является сознательным, а может быть зачастую и неосознанным. Здесь мы соприкасаемся со способностью человека к точному выражению собственной мотивации. Подобно тому, как можно быть более или менее осведомленным по какому-либо вопросу, также можно иметь различную осведомленность в отношении самого себя, своих подлинных мотивов действий³.

¹ В наиболее интересном и основательном из всех отечественных исследований — В. А. Беловой и Л. Е. Дарского — информация о числе детей собирается с помощью единственного вопроса без контроля надежности собранных данных и без постановки проблемы надежности измерения вообще.

² См.: Ядов В. А. Социологическое исследование, с. 142—158; Лекции по методике конкретных социальных исследований. Под ред. Г. М. Андреевой. М., 1972; Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.

³ В советской психологии глубоко разработаны проблемы соотношения сознательного и неосознаваемого в деятельности. Историческое становление сферы сознаваемого и многоуровневость функциональной структуры осознания раскрыты в трудах А. Н. Леонтьева; закономерности регуляции поведения через механизм установки исследованы Д. Н. Узнадзе и его последователями; функции бессознательного и его роль в поведении показаны Ф. В. Бассиним.

Выше уже отмечалось, что регуляция поведения обусловлена и неосознаваемыми формами психики, отображаемыми в категории «установка», и поэтому нередко истинные «причины» поступков людей могут быть скрыты от них самих. Роль установок в регуляции поведения и их соотношение с мотивами раскрывается в основанной на клинической практике теории К. Обуховского о мотиве как своеобразном компромиссе между различными установками, актуализированными в конкретной социальной ситуации. Процесс взаимодействия и согласования между собой всех относящихся к ситуации установок определяет выбор мотивов путем исключения тех из них, которые противоречат согласующимся установкам¹.

В результате становятся возможными случаи искреннего заблуждения в отношении истинных целей своих поступков, которые, как правило, сопровождаются ссылкой на наиболее «благородные» мотивы действий, т. е. на наиболее одобряемые в социальном окружении побуждения.

Таким образом, несоблюдение каждого из условий надежности измерения делает сомнительной информацию, полученную без процедур контроля. Выявляемые корреляционные соотношения между эмпирическими референтами изучаемых явлений могут, конечно, оказаться достоверными, но вероятность этого неизвестна. Теоретическая интерпретация столь ненадежного материала, даже при наличии объяснительных моделей, становится трудной. Выходом из подобного положения может быть осторожность в трактовке эмпирических связей, выдвижение нескольких гипотез одновременно и подробное описание методик и результатов применения их при изложении итогов исследования.

Ранее сказанное касалось в основном недостатков прямого опроса, к которому относятся современные методики изучения репродуктивных мнений. Методы совершенствования опроса имеют свою историю применения в репродуктивной сфере и связаны с развитием методов шкалирования².

Еще в 1932 г. Л. Терстоун начал применять свой метод

¹ См.: Обуховский К. Психология влечений человека, с. 54.

² См.: Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965, с. 124—144.

шкалирования при измерении мотивов ограничения рождаемости. Как известно, контролирование данных по Терстоуну проводится с помощью процедур, устанавливающих надежность шкалирования и позволяющих оценивать степень достоверности информации. Дальнейшее повышение надежности шкалирования связано с работами Р. Ликерта, в 1934 г. приступившего к измерениям вербальных установок в сфере использования контрацепции для регулирования рождаемости. В настоящее время за рубежом методы шкалирования по Терстоуну и Ликерту продолжают применяться при исследовании репродуктивной мотивации, но распространенность их невелика, ввиду не всегда достигаемой однородности шкалы. Поэтому исследователи иногда прибегают к шкалограммному анализу Гутмана, как, например, это делается американскими социологами при изучении связи ценностных ориентаций личности с репродуктивными предпочтениями. Попутно заметим, что шкала Гутмана, в отличие от двух предыдущих, может быть приспособлена для получения данных, собираемых с помощью показателей числа детей, например для снятия эффекта монотонности при заполнении анкеты.

Хотя все эти шкалы не решают проблемы измерения установок действия и служат целям более надежного измерения вербальных установок, они обладают хорошими возможностями в установлении структуры мотивов. Редчайшим примером использования установочных шкал в целях измерения установок к детям является шкала, приводимая В. А. Ядовым на страницах его книги¹.

Отрицательные стороны прямого опроса устраняются как в рамках прямого анкетирования за счет совершенствования инструментария через технику контроля, так и посредством применения социально-психологических методов изучения мотивации, так называемых прямых и проективных (или же прожективных) методик². Более того, психологические методики позволяют проникать в глубины мотивации, раскрывая суть самой потребности в детях. Психологические методики рационально приме-

¹ См.: Ядов В. А. Социологическое исследование, с. 97.

² См.: Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969, с. 145—162; Ядов В. А. Социологическое исследование, с. 169.

нять в рамках локальных и малых выборок, корректирующих информацию более широких исследований, одновременно с показателями числа детей в целях их взаимного дополнения.

Наиболее эффективным приложением психологических методик является их использование в пределах демографического исследования репродуктивного поведения отдельных людей и семей. Это уже давно делается при изучении бюджетов времени и доходов семьи. Следует согласиться с П. М. Якобсоном, что в психологической науке «необходимо восстановить в правах демографическое изучение и описание отдельных людей в плане изучения... того многообразия видов мотивации, с которым мы можем встретиться при рассмотрении жизни, деятельности и процесса развития отдельного человека»¹.

Специфика тестирования заключается в многократном контроле реакций респондента посредством проведения большого числа испытаний. В вербальных тестах ответ на каждый вопрос является своеобразным испытанием, результат которого по набору вопросов измеряет какое-либо психическое свойство личности. Проективные тесты, при которых испытуемые как бы проецируют в стимулирующую ситуацию свои субъективные наклонности, превосходят прямые вопросы невозможностью явного искажения ответов благодаря преднамеренной двусмысленности и неопределенности теста в целом, при полной ясности для респондента отдельных вопросов и утверждений теста. Прямые и проективные тесты, повышая обоснованность измерения мотивов, проникают в глубинные пласты личности и фиксируют различия в реакциях на объект, различия отношения к объекту.

В настоящее время накоплен небольшой опыт приложения прямых и проективных тестов к измерениям в репродуктивной сфере. Он связан с измерением различных психологических параметров, которые могут повлиять на репродуктивное поведение и репродуктивные установки (например, таких, как тревожность, интраверсия-экстраверсия, чувство опасности, личной неадекватности и т. д.). Зарубежные психологи в сотрудниче-

¹ Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека, с. 162.

стве с демографами устанавливают по особым методикам различия в психологическом облике мужчин и женщин, желающих и не желающих иметь детей. Разрабатываются специальные тесты, направленные только на выявление «родительских установок» и их специфики у различных типов личности. Наконец, почти весь арсенал психологических тестов применяется при изучении установок к усыновлению детей и связанного с этим институтом всего комплекса самых различных проблем¹.

Применение психологических методик исследования осуществляется в буржуазной науке без опоры на научные методологические разработки, без разработки теории репродуктивного поведения. Это отмечают и некоторые из буржуазных исследователей, наиболее тяготеющие к теоретическому анализу. Так, редакторы и составители «Социальной демографии» Т. Форд и Де Янг критикуют своих коллег за выхватывание разрозненных психологических переменных личности без увязки их значимости в пределах теорий изучаемых явлений и личности, упрекают за увлечение поиском корреляционных связей между индикаторами психологических и демографических состояний, т. е. связей, не имеющих никакой объяснительной ценности, поскольку отсутствует теория². Эмпиризм конкретных исследований неизбежно сказывается затем в беспомощности и произволе при интерпретации материалов тестирования. Особенно заметно это при анализе данных проективных методик, так как если буржуазные исследователи и прибегают к теории, то ею, как правило, оказывается психоаналитическая концепция.

Марксистская методология изучения репродуктивного поведения, исходящая из социально-экономической обусловленности результатов репродуктивных действий миллионов людей и самой репродуктивной мотивации, определяет коренное отличие от буржуазных способов объяснения данных тестирования. Анализ конкретных форм воздействия общественной потребности в населении на репродуктивные установки индивидов предполагает, наряду с совершенствованием традиционных методов, и более тонкие методы выявления репродуктивной моти-

¹ Freedman R. The Sociology of human fertility: A Trend Report and Bibliography. «Current Sociology», X/XI (1961—1962), № 2; Hawthorn G. The Sociology of Fertility. Ld., 1970.

² Social Demography. N. Y., 1970, p. 672.

вазии, которые, удовлетворяя требованиям надежности измерения, в то же время способны адекватно раскрыть содержание потребности в детях.

Совершенствование методов исследования и разработка новых методик невозможны без расширения практики проведения конкретных исследований репродуктивной мотивации, организованных на основе предварительной разработки методологической и процедурной частей программы социологического исследования.

Л. Чуйко

ОПЫТ АНАЛИЗА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ В УССР

Изучение подбора брачных пар по национальностям является составной частью знаний о брачном и семейном быте населения. Изменения в межнациональных браках характеризуют процессы взаимосвязей между народами в области политической, социальной, этнической.

Для изучения подбора брачных пар по национальностям были использованы индексы брачности¹, которые являются одним из наиболее совершенных методов исследования брачности вообще и брачного быта в особенности. Применение этого метода позволяет получить показатели, имеющие как научное, так и практическое значение. Они могут быть использованы как демографами, так и другими специалистами (энтографами, философами, социологами, экономистами, медиками и т. д.), изучающими проблемы быта, брака и семьи. Для расчета индексов брачности могут быть использованы данные государственной статистики, специальных обследований, материалы из документов ЗАГСов о сочетании национальностей (или других качественных признаков) вступающих в брак лиц.

Основанием для расчетов в нашем исследовании по-

¹ Они не являются индексами в общепринятом понимании. Это условное название. С методологической стороны они приближаются к показателям корреляции качественных признаков.

Индексы притяжения (s) и отталкивания (a) вычислялись по формулам М. В. Птухи:

$$s = \frac{AT - CL}{\sqrt{CL(T - C)(T - L)}}; \quad a = \frac{AT}{CL} - 1,$$

где T — общее число браков; L — число женихов, C — число невест, обладающих изучаемым признаком; A — число браков, заключенных из совокупностей L и C . (См.: Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970, с. 32—36.)

служили данные статистической отчетности о естественном движении населения за 1969—1970 гг. и данные разработки анкет специального социально-демографического обследования подавших заявление о вступлении в брак в Киевский дворец бракосочетаний в 1970 г.¹

По данным о естественном движении населения за 1969 и 1970 гг. были получены сведения о браках по комбинации национальностей женихов и невест. На основании этих сведений в Украинской ССР выделяется шесть наиболее многочисленных национальностей: русские, украинцы, евреи, белорусы, поляки, молдаване. Нами были вычислены индексы брачности для однородных и смешанных межнациональных браков по названным шести национальностям для Украинской ССР в целом, а также для городских и сельских поселений отдельно. По результатам упоминаемого выше обследования были также вычислены индексы брачности для Киева. Кроме того, рассчитаны индексы однородных браков для основной национальности в 14 союзных республиках (данными по РСФСР мы не располагаем).

Материалы расчетов по шести национальностям Украинской ССР позволяют сделать некоторые выводы.

Таблица 1

Индексы однородных по национальности браков в Украинской ССР в 1969 г. (в %)

Национальность брачной пары	Индексы брачности		
	все поселения	в том числе	
		городские	сельские
Русские	30,4	23,7	34,2
Украинцы	34,3	27,0	38,3
Белорусы	7,3	5,6	12,2
Евреи	66,3	64,9	46,1
Молдаване	44,3	10,6	65,5
Поляки	21,1	15,2	30,5

Примечание. Расчет произведен без учета лиц с неизвестной национальностью и других малочисленных на Украине национальностей.

¹ Поскольку совокупность обследованных (10031 пара) и разработки (2 тысячи анкет) в статистическом отношении невелика, то вычисление индексов брачности по этим данным носит экспериментальный характер, а выводы дают только некоторое представление об изучаемом явлении в Киеве и нуждаются в дальнейшем уточнении.

В Украинской ССР наиболее высокие индексы притяжения в однородных браках наблюдаются среди евреев. На втором месте находятся молдаване, на третьем — украинцы, на четвертом — русские, на пятом — поляки, на шестом — белорусы.

По сельским местностям величины индексов притяжения однородных по национальности браков, как правило, выше, чем в городах и поселениях городского типа: у русских и украинцев — почти в полтора раза, у молдаван — в 6,2 раза. Исключение составляют евреи, которые проживают в Украинской ССР. У этого народа величины индексов брачности в городах выше, чем в селах. Это связано с действием преимущественно структурных факторов, поскольку еврейское население проживает в основном в городах или поселениях городского типа.

Сравнение индексов однородных браков основных национальностей союзных республик показывает, что УССР является одной из республик СССР с относительно невысокими величинами индексов притяжения однородных браков. Это свидетельствует о значительном распространении здесь смешанных браков.

Таблица 2

Индексы однородных по национальности браков в союзных республиках СССР в 1969 г. (в %)

Национальность брачной пары	Индекс брачности	Национальность брачной пары	Индекс брачности
Киргизы	95,4	Таджики	77,3
Казахи	93,6	Литовцы	68,2
Туркмены	90,7	Молдаване	62,0
Азербайджанцы	89,8	Латыши	61,4
Узбеки	86,2	Белорусы	39,0
Грузины	80,5	Украинцы	34,3
Эстонцы	78,8	Армяне	33,4

Наиболее высокие величины индексов притяжения однородных браков наблюдаются у народов республик Средней Азии. На втором месте Кавказские республики, за исключением Армении. Для населения Прибалтийских республик характерны также значительные величины индексов однородных по национальности браков. Они свидетельствуют о меньшем распространении в указанных республиках неоднородных браков.

Проведенные нами расчеты показали, что у населения основной национальности республики, проживающего за ее пределами, индексы притяжения однородных по национальности браков выше.

Если для украинцев, проживающих на территории своей республики, индекс притяжения в однородном браке равняется 34,3%, то для украинцев, проживающих на территории 14 союзных республик (без РСФСР), — 56,3, соответственно для русских — 30,4 и 46,7%. На величину индексов, по-видимому, влияет выбор брачного партнера, который в значительной степени зависит от субъективных и объективных факторов. Изучение соотношения субъективных факторов в зависимости от объективных условий требует специальных исследований. Особенно это важно для такого многонационального государства, как СССР. Необходимость в подобных исследованиях вытекает из еще существующих значительных различий, сложившихся в ходе исторического развития (культур, религий и т. п.) между отдельными национальными районами¹.

Динамические сопоставления обнаруживают объективный процесс роста межнациональных браков на Украине. Сопоставление величин вычисленных нами индексов брачности для 1969 г. со средними величинами аналогичных показателей за период с 1924 по 1927 г.² свидетельствует о том, что величины индексов притяжения однородных браков по Украине в целом в границах соответствующих лет уменьшились более чем в два раза у украинцев (с 80,3 до 34,3%) и русских (с 67,8 до 30,4%), в полтора раза у евреев (с 95,0 до 66,3%) и почти в три раза у поляков (с 62,7 до 21,1%). Если в 1927 г. на Украине было зарегистрировано 6,5% межнациональных браков, в том числе по городским поселениям — 18,6%, а по сельским местностям — 3,4%³, то в 1969 г. — 26,6% по всей территории УССР,

¹ См.: Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971, с. 16.

² См.: Пустоход П., Трацевський М. Шлюбність на Україні. — «Праці Демографічного Інституту. Демографічний збірник», т. VII. Київ, 1930, с. 178—179, 183.

³ Рассчитано по материалам сборника «Природний рух населення України в 1927 році», ЦСУ УССР, Статистика України, сер. 1, Демографія, № 169, X, 1929, с. 109.

35,3% — по городским поселениям и 12,1% — по сельским.

Таким образом, более чем за 40 лет процент межнациональных браков на Украине вырос в 4 раза. При этом темпы роста неоднородных браков в сельской местности в указанный период были вдвое выше, чем в городах и городских поселениях. Однако удельный вес таких браков как раньше, так и в настоящее время в городах и городских поселениях был значительно выше. Величины индексов брачности по городским поселениям в границах 1924—1927 и 1969 гг. уменьшились у украинцев с 65,8 до 27,0%, у русских — с 54,4 до 23,7%, у поляков — с 32,4 до 15,2%, у евреев — с 93,0 до 64,9%. Такое положение, очевидно, свидетельствует о росте межнациональных связей и является в какой-то мере результатом менее однородной по сравнению с прошлым национальной структуры населения, изменяющихся традиций.

Аналізу неоднородних по національності браків предшествовало исчисление индексов брачности для всех возможных комбинаций брачных пар из шести наиболее многочисленных народов Украинской ССР. Эти расчеты были произведены для всей территории республики, а также для города и села отдельно (см. табл. 3) Индексы притяжения в неоднородных браках наблюдаются преимущественно в сочетаниях русские — белорусы и евреи — поляки. Величины индексов притяжения в таких браках колеблются в пределах от 0,03 до 4,6%. Другие варианты неоднородных браков чаще характеризуются индексами отталкивания. Наиболее незначительными (от —5,8% до —20,1%) являются величины индексов отталкивания в брачных сочетаниях русский — полячка, еврей — русская, белорус — украинка, поляк — украинка, белорус — полячка и др. Это говорит о распространенности подобных браков, поскольку величины индексов отталкивания незначительные, а в некоторых вариантах даже приближаются к «притяжению».

Анализ неоднородных брачных сочетаний по национальности в Украинской ССР позволяет сделать вывод, что здесь преобладают браки, в которых один из молодоженов принадлежит к основной, наиболее многочисленной для данной территории национальности, особенно это относится к сельским местностям.

тор, который в данном случае характеризуется национальным составом населения, по-видимому, является одним из основных.

Таблица 3

Индексы межнациональных браков
в Украинской ССР в 1969 г. (в %)

Национальность		Индексы брачности		
жениха	невесты	все поселения	в том числе	
			городские	сельские
Русский	Молдаванка	-42,4	-5,8	-42,2
	Еврейка	-38,0	-54,3	+0,2
	Украинка	-31,1	-23,6	-33,0
	Полячка	-15,7	-25,1	+1,0
	Белоруска	+2,8	+1,6	+4,6
Украинец	Еврейка	-79,5	-77,3	-63,0
	Молдаванка	-53,0	-27,7	-67,2
	Русская	-32,1	-23,8	-39,1
	Белоруска	-25,0	-17,1	-32,2
	Полячка	-23,2	-10,4	-38,6
Еврей	Украинка	-77,1	-74,6	-59,5
	Молдаванка	-49,1	-74,2	+1,5
	Белоруска	-32,2	-44,8	+0,2
	Русская	-18,9	-41,4	+0,6
	Полячка	+0,03	-10,0	+1,4
Белорус	Еврейка	-57,1	-65,5	0,0
	Молдаванка	-52,3	-28,3	-53,0
	Полячка	-20,1	-22,3	-12,0
	Украинка	-19,8	-14,2	-19,7
	Русская	+2,4	+1,6	+2,1
Поляк	Белоруска	-48,0	-57,9	-17,7
	Молдаванка	-41,4	+0,02	-63,0
	Русская	-26,3	-27,4	-13,5
	Украинка	-19,7	-9,6	-31,8
	Еврейка	-12,8	-9,5	...
Молдаванин	Полячка	-88,8	-68,5	+0,2
	Белоруска	-53,5	-84,6	-42,8
	Украинка	-49,4	-70,7	-70,9
	Еврейка	-49,0	-75,3	+0,8
	Русская	-41,6	-72,1	-32,5

То обстоятельство, что величины индексов притяжения однородных и нередко индексы отталкивания разнородных по национальности брачных сочетаний по городам ниже, чем по селам, позволяет сделать вывод, что объективный процесс — сближение национальностей — происходит в городских поселениях относительно быстрее, чем в сельских. Национальный состав населения в селах более однороден, чем в городах. В этих условиях меньше объективных возможностей найти брачного партнера другой национальности. По-видимому, это связано с особенностями городского и сельского образа жизни, которые обуславливают особенности в культуре, быте, традициях, в том числе брачных. В сельских местностях, возможно, дольше сохраняются старинные обряды и традиции, которые уже потеряли значение в крупных городах.

Величины индексов неоднородных по национальности браков в больших городах чаще, чем в других поселениях, характеризуются «притяжением». Наиболее распространенными на Украине являются браки между украинцами, русскими, белорусами. Они свидетельствуют о близком родстве этих народов. В восточных областях Украины особенно распространены смешанные браки между русскими и украинцами.

В связи с обстоятельствами исторического характера население западных областей Украины имеет особенности в экономике, культуре, национальном составе, традициях, в том числе и брачных. Кое-где еще остались пережитки традиций, по которым в прошлом не поощрялись браки с народами другого вероисповедания. Межнациональные браки здесь встречаются реже, чем у других народов. Значительную роль, по-видимому, играют также традиции, корни которых связаны с экономикой и культурой, составной частью которой в прошлом была религия.

Изучение межнациональных браков показывает, что их рост зависит от социально-экономического развития и увеличения межнациональных связей. Это является объективным условием для заключения межнациональных браков. Что же касается субъективных факторов, то, как нам представляется, они зависят не только от индивидуальных качеств отдельных личностей, но и от конкретных условий жизни, под влиянием которых формируется культурный уровень, традиции и, наконец,

возможности реализовать то или иное намерение. Однако детальное рассмотрение затронутых вопросов требует комплексных исследований, предпосылкой которых является объединение усилий различных специалистов, изучающих быт, брак и семью.

*Г. Киселева
И. Рылкова*

О МОТИВАХ ОГРАНИЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ¹

Рождаемость — сложный социально-биологический процесс, на который воздействуют самые разнообразные факторы — экономические, социальные, политические, психологические, состояние здоровья населения и др.

В настоящее время изучение факторов рождаемости является одним из ведущих направлений в исследовании проблем народонаселения.

Анализируя средние по стране, республике, области или отдельному району показатели рождаемости, полученные в результате разработки данных государственной статистики, необходимо также учитывать, что большинство супругов имеют определенное мнение о том, сколько детей должно быть в семье. Эти мнения могут изменяться под воздействием социально-экономических условий. Однако у большинства супружеских пар мнение о том, сколько детей лучше всего иметь в семье, довольно устойчиво, и, как правило, в вопросах деторождения они придерживаются его.

Следовательно, наряду с анализом обобщенных статистических показателей необходимо изучать взгляды, мнения и желания супругов, которыми они руководствуются в вопросах деторождения. Поэтому углубленное, всестороннее исследование рождаемости в настоящее время обязательно предполагает проведение специальных обследований по выяснению мнений населения о наилучшем и желаемом числе детей в семье. Полученная информация позволяет выяснить мнение населения о желаемом и идеальном числе детей в семье, о том, сколько детей намерены иметь супруги, каковы мотивы ограничения рождаемости и как влияют на формирование

¹ По данным специального выборочного обследования, проведенного в Москве.

взглядов по вопросам деторождения социально-экономические условия жизни населения¹.

При анализе мнений населения по вопросам рождаемости необходимо иметь в виду, что в качестве причин ограничения числа детей в семье указываются мотивы, т. е. субъективные представления, которые не всегда могут совпадать с истинными причинами². Формируясь под воздействием комплекса социально-экономических и социально-психологических факторов, мнения испытывают на себе влияние и индивидуальные особенности каждой конкретной семьи. Так, по мнению ряда исследователей, которое мы разделяем, число детей в семье связано не только с уровнем ее благосостояния, но и со степенью его соответствия сформировавшимся потребностям, так как различные по социальному, возрастному, национальному и т. д. составу семьи имеют разную структуру потребностей. Например, одинаковый душевой доход, одно и то же количество свободного времени и т. п. одни семьи считают достаточными, а другие нет.

Подъем материального благосостояния и культурного уровня населения формирует новую структуру материальных и культурных потребностей. К. Маркс отмечал, что человек как живое существо характеризуется «безграничностью своих потребностей». Под безграничностью потребностей имеется в виду объективное, закономерное соотношение между производством и потреблением. Темпы и масштабы социально-экономических преобразований, происшедших в СССР, вызвали существенные количественные и качественные изменения потребностей. В. И. Ленин указывал на существование «закона возвышения потребностей», сущность которого сводится к тому, что развитие производительных сил общества обуславливает появление новых потребностей.

Потребности людей, развиваясь под воздействием материального производства, опережают возможности этого производства. В ряде случаев расхождение между

¹ В данной статье мы не ставили задачу исследовать влияние социально-экономических условий на число имеющихся детей.

² И. С. Кон дает следующее определение: «Мотив обозначает субъективное отношение человека к своему постулку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение... Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными» (Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 27).

ростом материальных и духовных потребностей и возможностью их удовлетворения приводит к ограничению числа детей в семье, поскольку каждый новый ребенок требует не только дополнительных материальных расходов, но и затрат сил и времени родителей. Таким образом, уменьшается возможность удовлетворения их духовных и материальных потребностей, а также ограничивается возможность наиболее полного удовлетворения потребностей уже имеющихся детей. Как считает профессор П. Симонов, «признание потребностей в качестве определяющей причины человеческих поступков представляет величайшее завоевание марксистской философии мысли, послужившее началом подлинного объяснения целенаправленного поведения людей»¹.

Ряд исследователей отмечают, что объективные условия не всегда совпадают с их субъективной оценкой. Как правило, с увеличением дохода, улучшением условий жизни возрастают требования к росту жизненного уровня и часто у женщин, материально хорошо обеспеченных, наблюдается неблагоприятная субъективная оценка своего материального положения. Можно отметить, что повышенные требования к уровню жизни предъявляют женщины, занятые в общественном производстве, имеющие более высокий уровень образования, занятые умственным трудом и т. п. Различия в оценке конкретных условий жизни отдельными семьями сказываются и на их решении иметь то или иное число детей. Однако в совокупности субъективных мнений, являющихся результатом отражения социально-экономических факторов, безусловно, выявляются существенные связи и зависимости.

В 1970 г. сотрудники Центра по изучению проблем народонаселения МГУ провели специальное выборочное обследование «Причины ориентированности населения на малодетную семью в г. Москве». Опрашивались работающие женщины в возрасте до 40 лет, как замужние, так и незамужние, но имеющие детей. Всего было обследовано 5225 женщин².

¹ «Новый мир», 1971, № 9, с. 191.

² Объем выборочной совокупности был определен заранее в соответствии с требованиями выборочного метода, и полученные в результате обследования данные можно считать статистически достоверными и репрезентативными для Москвы.

Обследование было проведено на 11 предприятиях, принадлежа-

Программа обследования включала большой круг вопросов, которые можно условно подразделить на вопросы, дающие демографическую и социально-экономическую характеристику обследованных женщин, и вопросы, отражающие их мнение по проблемам формирования семьи. К числу последних относилось и выяснение мотивов, которые женщины, не желавшие больше иметь детей, выдвигали в качестве причин, объясняющих это нежелание.

В анкете содержался вопрос о том, желает ли женщина еще родить ребенка, и указывалось три возможных ответа: «да», «нет», «не знает». В случае, если женщина отвечала, что она вообще не хочет иметь ребенка или не хочет иметь детей больше, чем у нее есть, к ней обращались с просьбой указать одну или несколько причин, которыми она мотивировала свое нежелание в будущем родить ребенка. В подсказке к этому вопросу было перечислено 18 мотивов.

Вопрос и мотивы подсказок к нему формулировались так: «Если не желаете, то укажите причину: семейные неладки; материальные трудности; недостаток жилой площади; неуверенность в прочности семьи; занятость в работе; занятость в учебе; большая нагрузка в домашней работе; собственное нежелание заниматься детьми; нежелание мужа иметь детей; не с кем оставить ребенка дома; плохое состояние здоровья опрашиваемой; плохое состояние здоровья мужа; в связи с возрастом опрашиваемой; в связи с возрастом мужа; муж пьет; желание дать хорошее воспитание и образование имеющимся детям; осложнение в международной обстановке; не может указать определенной причины».

Кроме этих мотивов женщина могла по своему усмотрению называть любые причины, которые также фиксировались в анкете. В программе обследования не предусматривалось ограничения количества высказанных ответов, поэтому женщины называли от одной до пяти — семи причин.

Почти все женщины дали определенный ответ на вопрос о том, хотят они или нет родить ребенка. Только

щих к различным отраслям народного хозяйства, что в основном соответствовало структуре занятости женского населения столицы. Наибольший удельный вес среди опрошенных — 89% — составляли замужние женщины, 10% были разведены и 1% составляли вдовы.

2,5% (129 человек) из всех обследованных ответили, что не знают или еще окончательно не решили этот вопрос и его решение будет зависеть от тех или иных условий.

Более половины женщин (2815 человек, или 55% от общего числа опрошенных) не хотели в будущем иметь детей. Это были в основном женщины, уже имевшие детей. Желание родить ребенка находится в очень тесной зависимости от того, есть ли в семье дети, и если есть, то сколько.

Таблица 1

Распределение женщин по желанию еще иметь детей в зависимости от числа имеющихся детей (в%)

	Всего женщин	из них иметь детей		
		хотят	не хотят	не знают
Не имеющие детей	100	83	16	1
Имеющие 1 ребенка	100	41	56	3
Имеющие 2 детей	100	11	88	1
Имеющие 3 и больше детей	100	18	79	3
Всего	100	42	55	3

Так, среди бездетных женщин, а их по данным обследования оказалось 851, абсолютное большинство — 705 человек (83%) — хотели иметь ребенка. Больше всего среди обследованных женщин оказалось матерей, имеющих одного ребенка, — 3238, или 64% всех обследованных женщин. Из них хотели родить второго ребенка 1328 женщин, или 41%. Из 966 женщин с двумя детьми хотели иметь третьего ребенка всего лишь 11% (104 человека). Из женщин, имевших троих детей, а таких насчитывалось всего 32, еще хотели родить только 6 человек (18%). Ввиду малочисленности этой группы данные по ней не могут быть признаны достаточно представительными, и, по нашему мнению, нецелесообразно на их основании делать какие-либо выводы.

Рассмотрим, какое влияние на желание женщин еще иметь ребенка оказывали жилищные условия, среднестатистический доход, уровень образования, профессия, возраст вступления в брак, а также ее возраст на момент обследования.

Влияние жилищных условий проявлялось следующим образом. Абсолютное большинство бездетных женщин

хотело иметь ребенка независимо от жилищных условий, в которых они проживали. По-видимому, стремление испытать чувство материнства настолько велико, что женщины не считают плохие жилищные условия решающим препятствием для рождения первого ребенка. Это, безусловно, не означает, что они не нуждаются в улучшении этих условий.

Больше половины женщин, имеющих детей, — 2293 человека, или 54%, — проживали в отдельных квартирах. Среди имевших одного ребенка в отдельных квартирах проживало 1612 человек, что составляло 50% всех матерей с одним ребенком, а среди имевших двух детей — 657 женщин, или 68% общего числа матерей с двумя детьми.

Женщины, проживавшие в отдельных квартирах, гораздо реже высказывали желание еще родить ребенка, чем проживавшие в худших жилищных условиях (в общих квартирах, общежитиях и на частных квартирах). Из женщин, имевших детей и проживавших в отдельных квартирах, 67% больше не хотели родить ребенка, а среди матерей с детьми, проживавших не в отдельных квартирах, доля женщин, не желавших больше иметь детей, составляла 59%. Между желанием женщин, имевших детей, увеличить свою семью и характеристикой жилищных условий, в которых они проживали, можно установить обратную зависимость.

Аналогичная зависимость наблюдается между желанием женщин, уже имеющих детей, родить следующего ребенка и размером жилой площади на одного члена семьи. Чем больше квадратных метров приходится на одного члена семьи в семьях, где есть дети, тем меньший процент женщин предполагает иметь еще ребенка.

Анализ влияния жилищных условий на желание женщин еще родить ребенка показал, что женщины, не имеющие детей, хотят родить независимо от того, в хороших или плохих жилищных условиях они проживают. Среди женщин, у которых уже есть дети, желание ограничить размеры своей семьи имеющимся числом детей более отчетливо выражено у тех, кто живет в лучших жилищных условиях (отдельная квартира) и имеет большее число квадратных метров жилой площади, приходящейся на одного члена семьи (7 и более метров).

По-видимому, многие женщины, имеющие недостаточ-

но хорошие жилищные условия, связывают появление еще одного ребенка в семье с возможностью их улучшения, поскольку основным признаком при распределении жилой площади является число членов семьи, приходящееся на данную площадь. Если же семья имеет хорошие жилищные условия, то появление следующего ребенка ведет к их ухудшению.

При исследовании зависимости желания женщины еще родить ребенка и дохода, приходящегося на одного члена ее семьи, не удалось установить сколько-нибудь определенной, четко выраженной зависимости. Не обнаружилось также достаточно выраженного влияния уровня образования женщин и рода их занятий на желание еще родить ребенка¹.

Возраст женщины оказывает существенное влияние и на ее желание еще иметь детей. Здесь наблюдается четко выраженная обратная зависимость между возрастом женщины и ее желанием увеличить свою семью. Это относится ко всем без исключения женщинам, как имеющим, так и не имеющим детей. Среди бездетных женщин в возрасте до 20 лет хотели иметь ребенка 91%, в возрасте 20—24 года — 90%, а в возрасте 35—39 лет их доля упала до 56%.

Обратная зависимость между возрастом женщины и ее желанием еще родить особенно ярко проявляется у матерей с одним ребенком. Женщины в возрасте до 25 лет, имеющие одного ребенка (265 человек, или 56% общего числа женщин этой возрастной группы), в два раза чаще, чем тридцатипятилетние (190 человек, или 25% женщин данной возрастной группы), хотят иметь второго ребенка.

Такая же закономерность наблюдается и при исследовании зависимости желания женщины иметь ребенка от возраста вступления в первый брак. Среди бездетных женщин, с увеличением возраста вступления в первый брак, резко возрастает число не желающих вообще иметь детей. Если среди женщин, вступивших в брак в воз-

¹ По данным нашего обследования, наименьший процент желавших еще родить ребенка оказался в группе женщин с уровнем образования ниже 8 классов. Однако, по нашему мнению, здесь сказалось влияние не уровня образования, а возраста женщин. В основном такой низкий уровень образования был характерен для женщин старше 35 лет. В этом возрасте в условиях Москвы большинство женщин заканчивает формирование семьи.

расте до 20 лет, ответили, что не хотят иметь детей, 10%, то среди женщин, вышедших замуж после 30 лет, этот процент повышается до 33. У женщин, имеющих детей, прослеживается аналогичная зависимость.

Анализ влияния ряда факторов на желание женщин иметь еще ребенка показывает, что желание родить первенца почти не зависит ни от материальных, ни от жилищных условий, ни от уровня образования. На желание иметь первого ребенка, по данным нашего обследования, главным образом влияли возраст женщины на момент опроса и ее возраст при вступлении в брак. По мере увеличения возраста женщин и возраста, в котором они вышли замуж, уменьшалась их доля в числе желающих родить ребенка.

Таким образом, данные обследования показывают, что у женщин, уже имевших детей на момент опроса, не выявляется сколько-нибудь четкая зависимость между желанием иметь ребенка, уровнем образования, характером выполняемой работы и среднедушевым доходом. Между жилищными условиями (отдельная квартира, комната в общей квартире, свой дом и т. д.) и количеством квадратных метров, приходящихся на одного члена семьи, возрастом вступления в брак, возрастом на момент опроса и желанием иметь еще ребенка отчетливо прослеживалась обратная зависимость.

Как уже указывалось, большая часть обследованных женщин (55%) ответили, что они не хотят больше иметь детей.

Рассмотрим, какие мотивы выдвигали женщины, объясняя свое нежелание родить первого или следующего по порядку ребенка. При разработке материалов была выделена 21 причина¹. К 18 причинам, уже содержавшимся в анкете в подсказке на этот вопрос, были добавлены причины, довольно часто встречавшиеся в ответах: нет мужа; дети часто болеют; неполная оплата больничного листа по уходу за ребенком. Причины, встречавшиеся в ответах очень редко (один — пять раз), мы объединили в графе «Другие причины».

Все мотивы, на которые указывали женщины как на мешающие им иметь первого или последующих детей,

¹ В данном случае и в последующем изложении под словом «причина», когда речь идет о мнении женщины о факторах, влияющих на ограничение рождаемости, мы всюду имеем в виду «мотив».

при анализе данных обследования мы распределили на 5 больших групп: экономические причины (материальные трудности, недостаток жилой площади, желание дать хорошее образование и воспитание уже имеющимся детям, неполная оплата больничного листа по уходу за ребенком); морально-психологические (семейные неладки, неуверенность в прочности семьи, собственное нежелание заниматься детьми, нежелание мужа иметь детей, муж пьет, нет мужа); причины, вызванные дефицитом свободного времени (занятость в работе, занятость в учебе, большая нагрузка в домашней работе, не с кем оставить ребенка дома); причины, связанные с состоянием здоровья и возрастом (плохое состояние здоровья опрашиваемой, плохое состояние здоровья мужа, в связи с возрастом опрашиваемой, в связи с возрастом мужа); в пятую группу входили все другие причины.

Разумеется, что предложенное распределение является условным и служит в значительной мере для удобства анализа. Так, например, такие причины, как «занятость в работе», «желание дать хорошее воспитание и образование уже имеющимся детям» и ряд других, можно отнести к разряду комплексных причин и рассматривать их как причины материального, морально-психологического характера и как причины, порожденные дефицитом свободного времени (см. табл. 2).

Следует отметить, что причинная мотивация существенно различается у бездетных женщин и у имеющих одного или двух детей¹.

Бездетные женщины очень часто в качестве причин, не позволяющих им иметь детей, ссылались на причины нематериального характера: плохое состояние здоровья, занятость в учебе, отсутствие мужа². Среди экономических причин они, по сравнению с женщинами, имеющими

¹ Причины (мотивы) нежелания увеличить свою семью у женщин, имеющих трех детей, мы не рассматривали, поскольку таких женщин насчитывалось всего лишь 32, что является явно недостаточным, чтобы делать какие-либо выводы.

² Обследование проводилось среди замужних женщин и женщин, имеющих детей, даже если они на момент опроса не были замужем (разведены, вдовы, разошлись, вообще не состояли в зарегистрированном браке). Ответ «нет мужа» у бездетных женщин встречался в случаях, если муж находился в рядах Советской Армии, был в длительной командировке или супруги разошлись, но их развод юридически не оформлен.

детей, гораздо чаще называли плохие жилищные условия, чем материальные трудности.

С появлением первого и особенно второго ребенка увеличивается доля причин экономического характера и прежде всего материальных трудностей.

Следует отметить, что женщины с двумя детьми довольно часто говорили о том, что причиной отказа от рождения третьего ребенка является желание дать хорошее воспитание и образование уже имеющимся детям. Женщины, имевшие одного ребенка, эту причину указывали сравнительно редко. По-видимому, это объясняется тем, что современные требования к стандарту воспитания ребенка в условиях Москвы таковы, что рождение третьего ребенка может оказать заметное влияние как на изменение экономического статуса семьи в сторону его снижения, так и на уменьшение свободного времени супругов, особенно жены.

Увеличивается также число женщин, ссылающихся на недостаток свободного времени, главным образом за счет большой нагрузки в домашней работе и занятости в общественном производстве¹.

Многие женщины говорили, что они не хотят родить потому, что ребенка не с кем оставить дома.

Причины, которые женщины выдвигали как мешающие им вообще иметь детей или увеличить свою семью, по своему удельному весу различаются в зависимости от уровня образования женщин, их квалификации, жилищных условий и дохода, приходящегося на одного члена семьи.

Причины ограничения рождаемости в зависимости от

¹ По определению Г. А. Пруденского, «Свободное время — это часть внерабочего времени, предназначенная для физического, интеллектуального развития трудящихся и отдыха» (см.: Пруденский Г. А. Проблемы рабочего и внерабочего времени. М., 1972, с. 251). Свободное время является необходимым условием развития человека. К. Маркс указывал, что «свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 221). Г. А. Пруденский в цитируемой выше работе пишет, что в известной мере свободное время является необходимым условием расширенного духовного воспроизводства. Если человек только ест, спит и работает и у него нет ни времени, ни условий для повышения своих знаний, для овладения наукой, то не происходит расширенного воспроизводства духовных сил общества.

Таблица 2

Распределение причин (мотивов) нежелания иметь детей (в %)

Группы причин (мотивов)	У всех женщин	бездетные женщины	в том числе	
			женщины, имеющие	
			одного ребенка	двух детей
Экономические (всего)	38	28	35	44
из них:				
материальные трудности	20	12	18	24
недостаток жилой площади	13	16	15	11
желание дать хорошее воспитание и образование уже имеющимся детям	4	—	2	8
неполная оплата больничного листа по уходу за ребенком	1	—	—	1
Морально-психологические (всего)	17	24	20	10
из них:				
семейные неполадки	4	4	5	3
неуверенность в прочности семьи	1	2	2	1
собственное нежелание заниматься детьми	2	3	2	1
нежелание мужа иметь детей	1	1	1	—
муж пьет	4	3	4	3
нет мужа	5	11	6	2
Дефицит свободного времени (всего)	24	21	25	25
из них:				
занятость в работе	7	6	7	9
занятость в учебе	1	10	2	—
большая нагрузка в домашней работе	7	—	6	10
не с кем оставить ребенка дома	9	5	10	6
Состояние здоровья и возраст (всего)	16	22	15	16
из них:				
плохое состояние здоровья опрашиваемой	6	13	7	4
плохое состояние здоровья мужа	1	2	1	1
в связи с возрастом опрашиваемой	8	7	7	10
в связи с возрастом мужа	1	1	—	1
Прочие причины	5	5	5	5
Всего	100	100	100	100

образования имели свою специфику (см. табл. 3). Женщины с высшим и незаконченным высшим образованием чаще всего ссылались на дефицит свободного времени,

Распределение мотивов нежелания иметь детей
в зависимости от уровня образования женщин (в %)

Наименование мотивов	У всех женщин	в том числе с образованием					
		до 8 кл.	8—9 кл.	среднее общее	среднее спец.	незаконч. высшее	высшее
Экономические (всего)	38	35	38	44	39	31	34
из них:							
материальные трудности	20	20	20	22	19	15	16
недостаток жилой площади	13	11	14	18	16	13	12
желание дать хорошее воспитание и образование уже имеющимся детям	4	4	3	3	4	3	5
неполная оплата больничного листа по уходу за ребенком	—	—	1	1	—	—	1
Морально - психологические (всего)	17	20	22 ¹	17	15	9	8
из них:							
семейные неполадки	4	5	6	4	3	1	2
неуверенность в прочности семьи	2	1	2	2	2	—	1
собственное нежелание заниматься детьми	1	1	2	2	2	1	1
нежелание мужа иметь детей	1	1	—	1	1	—	1
муж пьет	4	6	5	3	2	—	—
нет мужа	5	6	7	5	5	7	3
Дефицит свободного времени (всего)	24	16	22	23	25	47	38
из них:							
занятость в работе	7	5	6	6	8	15	14
занятость в учебе	1	—	1	2	2	19	2
большая нагрузка в домашней работе	7	6	8	7	7	6	7
не с кем оставить ребенка дома	9	5	7	8	8	7	15

Г. П. Сергеева писала: «С одной стороны, рост образовательного и культурного уровня женского населения требует больше времени и внимания для духовного развития женщины как личности, с другой стороны, условия труда и быта работающих женщин зачастую не содействуют гармоничному сочетанию потребности в материнстве с духовным развитием женщины и ее стремлением к участию в общественном производстве»¹. На долю причин, связанных с недостатком свободного времени, в данной группе женщин приходилось самое большое число ответов: у женщин с высшим образованием — 38%, у женщин с незаконченным высшим образованием — 47%.

Удельный вес экономических причин у женщин, имевших высшее образование, составлял 34%, из которых на материальные трудности падало 16%, недостаток жилой площади — 12% и желание дать хорошее воспитание и образование уже имеющимся детям — 5%.

Женщины, не имевшие высшего или незаконченного высшего образования, на первое место выдвигали причины экономического характера. Женщины, имевшие уровень образования ниже среднего, кроме этих причин довольно часто указывали и такие причины, как недостаточно молодой возраст, плохое состояние здоровья, семейные неполадки.

Если рассматривать влияние на причины ограничения рождаемости характера выполняемой женщинами работы, их профессии, то можно также установить определенную зависимость причин от вида профессиональной деятельности женщин. Так, женщины, занимавшие должности инженеров, преподавателей, врачей и т. п., в качестве основных причин, мешавших им увеличить свою семью, ссылались на недостаток свободного времени, занятость в работе, на то, что не с кем оставить ребенка дома, плохое состояние здоровья, т. е. на те же самые причины, что и женщины, имевшие высшее и незаконченное высшее образование, т. е. практически это женщины одной группы, профессии которых требовали высокого уровня специального образования.

Самый большой процент женщин из названных в качестве мотивов, мешающих им иметь детей, материальные трудности и недостаток жилой площади работали

¹ Демографические проблемы занятости. Под ред. П. П. Литвякова, М., 1969, с. 96.

Продолжение

Наименование мотивов	У всех женщин	в том числе с образованием					
		до 8 кл.	8-9 кл.	среднее общее	среднее спец.	незаконч. высшее	высшее
Состояние здоровья и возраст (всего)	16	24	13	9	15	6	13
из них:							
плохое состояние здоровья опрашиваемой	6	8	4	5	8	3	6
плохое состояние здоровья мужа	1	1	1	1	1	2	1
в связи с возрастом опрашиваемой	8	14	7	3	6	1	6
в связи с возрастом мужа	1	1	1	—	—	—	—
Прочие причины	5	5	5	7	6	7	7
Всего	100	100	100	100	100	100	100

в сфере обслуживания или относились к служащим без специального образования, т. е. к категориям работников, имеющих в основном более низкую заработную плату, по сравнению с рабочими и специалистами с высшим и средним специальным образованием. Женщины, относящиеся к группе рабочих, в ряде случаев ссылались на следующие причины: немолодой возраст — 9%, плохое состояние здоровья — 6%, семейные неполадки — 5%, муж пьет — 5%, отсутствие мужа — 6%. Следует отметить, что женщинами-инженерами, преподавателями и другими специалистами с высшим образованием такой мотив, как пьянство мужа, почти не назывался. Его указали лишь 8 женщин из 1203, т. е. менее процента. Мотивы, из-за которых женщины не хотели увеличивать свои семьи, существенно отличались в зависимости от жилищных условий, в которых они проживали. Женщины, проживавшие в отдельных квартирах, ссылались в основном на материальные трудности, занятость в работе, на то, что не с кем оставить ребенка дома, а также на уже немолодой возраст и плохое состояние здоровья. Такой мотив, как недостаток жилой площади, занимал всего лишь 5% среди всех ответов и стоял на восьмом месте среди всех причин. Каждая четвертая женщина из числа проживавших в общей

квартире или собственном доме называла в качестве мотива, мешающего ей иметь детей, плохие жилищные условия; а среди женщин, снимавших жилую площадь и живущих в общежитии, — каждая третья женщина. Проживавшие в общих квартирах, в общежитиях и снимавшие площадь чаще отмечали семейные неполадки, пьянство мужа или его отсутствие.

По-видимому, плохие жилищные условия наряду с другими причинами способствуют созданию и закреплению в семье неблагоприятного психологического климата, который располагает к частым ссорам в семьях, пьянству мужа, что в некоторых случаях приводит даже к распаду семей. Если среди женщин, проживавших в отдельных квартирах, такая причина, как семейные неполадки, составляла 3%, муж пьет — 3%, отсутствие мужа — 5%, то у женщин, проживавших в общих квартирах, снимавших жилую площадь или проживавших в общежитиях, эти причины соответственно занимали 5%, 4%, 7%.

Между влиянием величины душевого дохода и желанием женщин увеличить свою семью или ограничиться уже имеющимся числом детей, или совсем не иметь ребенка, как мы уже говорили, не обнаружилось отчетливой связи; однако анализ мотивов нежелания иметь детей свидетельствует о весьма тесной зависимости между величиной среднедушевого дохода и долей экономических причин в числе всех причин.

Среди обследованных женщины, имевшие доход на одного члена семьи менее 50 руб., составляли всего лишь 7%. Эти женщины считали основной причиной, мешавшей им иметь большее число детей, материальные трудности — 23%, семейные неполадки — 8%, пьянство мужа — 6% или его отсутствие — 17%. Таким образом, женщины и дети в семьях, где был самый низкий уровень среднедушевого дохода, оказывались и в более тяжелом морально-психологическом положении.

Женщины, в семьях которых среднедушевой доход составлял 51—100 руб., а таких было 80%, чаще всего отмечали такие причины, как материальные трудности — 21%, плохие жилищные условия — 14%, а также занятость в работе — 7%, большую нагрузку в домашней работе — 7% и не с кем оставить ребенка дома — 8%.

Из женщин, у которых в семье на одного человека приходилось более 100 руб., на материальные трудности и семейные неполадки ссылались немногие — соответственно 8% и 2%. У них на первое место вышли мотивы нежелания еще родить ребенка: занятость в работе — 12%, не с кем оставить ребенка дома — 12%, плохое состояние здоровья — 10%, уже немолодой возраст — 10%.

В связи с изменением (увеличением) возраста происходит перераспределение мотивов нежелания иметь ребенка. Так, женщины в возрасте до 30 лет в качестве основных причин, мешающих им родить еще ребенка, называют материальные трудности, недостаток жилой площади, занятость в учебе, не с кем оставить ребенка дома, семейные неполадки, пьянство мужа. Женщины старше 30 лет отмечают материальные трудности и плохие жилищные условия уже в меньшей степени, но чаще ссылаются на занятость в работе, плохое состояние здоровья и уже немолодой возраст.

Анализ данных обследования женщин о мотивах нежелания иметь первого или последующих детей в семье показал, что мотивы нежелания иметь детей существенно различаются в зависимости от уровня образования женщин, их профессии, жилищных условий, среднедушевого дохода и возраста. Следовательно, при разработке мероприятий демографической политики, призванных воздействовать на изменение рождаемости в нужном обществе направлении, необходимо учитывать, какие мероприятия окажут воздействие на ту или иную группу населения. Так, например, введение семейных надбавок, даже если они будут по своему размеру весьма ощутимы, сможет повлиять не на все группы населения, а лишь на те, где препятствием для рождения ребенка служит низкий среднедушевой доход. Политика народонаселения должна учитывать влияние на рождаемость не только многих социально-экономических факторов, но и исходить из того, каковы структуры населения (возрастная, брачная, образовательная, профессиональная, национальная и т. д.), поскольку воздействие одного и того же мероприятия может дать различный эффект в разных группах населения.

Политика народонаселения, призванная сочетать в себе как интересы отдельных семей, так и интересы все-

го общества, должна также учитывать экономическую и социально-психологическую эффективность проводимых мероприятий. Кроме этого нам хотелось бы подчеркнуть, что одной из первоочередных и необходимых задач политики народонаселения является формирование общественного мнения в отношении оптимального числа детей в семье, поскольку в настоящее время подавляющее большинство женщин считают для себя наиболее приемлемым ограничить число детей в семье одним, максимум двумя детьми. Данные нашего обследования показали, что 40% женщин не хотели иметь третьего ребенка ни при каких условиях. А это является ярким свидетельством того, что в настоящее время у значительной части населения сформировалось общественное мнение, поощряющее малодетность. Супруги в ряде случаев ограничивают число детей в семье не из-за каких-либо существенных причин, а потому, что «так принято». Поэтому обществу необходимо уделять самое серьезное внимание вопросам формирования общественного мнения в области рождаемости таким образом, чтобы «идеальной» считалась не однодетная семья, а семья, имеющая двух-трех детей.

В. Подъячих

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ближайшие 10—15 лет будут характеризоваться большими изменениями в формировании ресурсов труда. Сократятся источники интенсивного роста рабочей силы для общественного производства. Существенное высвобождение населения из домашнего и личного подсобного хозяйства в течение минувшего десятилетия резко снизило занятость в этой сфере приложения труда и практически свело до минимума резервы рабочей силы, которые можно вовлечь в народное хозяйство. Представляется, что реальным и по существу единственным источником пополнения численности занятых в общественном производстве в перспективе может служить только естественный прирост населения трудоспособного возраста.

Однако темпы роста и абсолютная величина естественного прироста населения в трудоспособном возрасте будут сокращаться. Это создаст дополнительные трудности в обеспечении народного хозяйства рабочей силой. Сужение источников рабочей силы и замедление темпов роста трудовых ресурсов приведут к снижению темпов роста численности занятых в общественном хозяйстве. В этих условиях большое практическое значение приобретает тщательный учет ресурсов труда, его количественного и качественного состава, оценка сложившихся процессов с точки зрения будущего. Все это призвано обеспечить демографический анализ.

Чтобы правильно оценить процессы, происходящие в формировании ресурсов труда в настоящее время и в перспективе, необходим глубокий и всесторонний анализ за длительный промежуток времени тенденций и закономерностей, которые наблюдаются в движении населения, в изменении его характеристик. Выявление закономерностей развития населения необходимо для обоснования изменений в формировании трудовых ресурсов, поскольку тенденции движения населения в трудоспособном воз-

расте повторяют тенденции движения населения, темпы изменения численности населения, существующие сегодня, предопределяют темпы изменения трудоспособного населения, а в конечном счете и трудовых ресурсов.

Среди многообразных характеристик демографических процессов основное место принадлежит показателям естественного движения населения (воспроизводства населения). Естественное движение в наиболее обобщенном виде исследует динамику населения, темпы его воспроизводства, рождаемость, смертность, естественный прирост. В анализе естественного движения населения прежде всего следует обратить внимание на процессы рождаемости населения, поскольку в современных условиях именно изменение рождаемости оказывает решающее влияние на величину естественного прироста, на его динамику и структуру.

Изучение рождаемости населения возможно на основе данных об абсолютной численности родившихся и по относительным показателям — коэффициентам рождаемости. Эти данные позволяют выявить особенности и проследить тенденции в изменении рождаемости. Коэффициенты рождаемости более точно отражают происходящие процессы, поскольку в них нивелируется влияние на рождаемость роста численности населения. В то же время абсолютные данные достаточно наглядно иллюстрируют те сдвиги, которые произошли в рождаемости населения. Проследим изменение рождаемости в послевоенный период.

Таблица 1¹

Изменение численности родившихся за 1940—1972 гг.

	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1972 г.
Число родившихся, тыс. чел.	6 095	4 805	5 048	5 341	4 253	4 226	4 404
Среднегодовые темпы роста (снижения) числа родившихся, %		-2,35	1,00	1,15	-4,45	-0,15	2,10

¹ Народное хозяйство СССР в 1972 г. Стат. ежегодник, М., 1973, с. 47.

После войны и вплоть до 1960 г. происходило увеличение числа родившихся. В 1960 г. численность родившихся детей была максимальной за послевоенный период. Но, несмотря на рост, довоенный уровень рождаемости и число рождений не были достигнуты.

Период с 1961 по 1965 г. характеризовался значительным изменением тенденции рождаемости населения — численность родившихся стала падать. Другой отличительной чертой этого периода явились чрезмерно высокие темпы снижения численности родившихся. За пять лет число родившихся сократилось примерно на 1,1 млн. человек, или на 20%. Таких высоких темпов снижения рождаемости в нашей стране в мирное время раньше никогда не было.

Сокращение численности родившихся продолжалось и после 1965 г., но темпы снижения рождаемости замедлились, а в 1967—1969 гг. практически стабилизировались. Эти годы отличались самой низкой за весь послевоенный период численностью родившихся. Начиная с 1970 г. численность родившихся впервые за последнее десятилетие несколько увеличивается.

Изменение численности родившихся в целом по стране является результатом действия процессов воспроизводства в отдельных союзных республиках. С общесоюзной тенденцией совпадают тенденции изменения численности родившихся в РСФСР, Украинской, Белорусской и Молдавской ССР. Особо следует выделить РСФСР не только как самую большую республику страны, изменение показателей воспроизводства которой оказывает решающее влияние на показатели воспроизводства в целом по СССР, но и потому, что в ней наиболее четко проявилось снижение рождаемости. Численность родившихся в РСФСР в 1969 г. составила всего лишь 66% от уровня 1960 г. Такое резкое снижение численности родившихся не наблюдалось в минувшем десятилетии ни в одной другой республике страны.

Существенное снижение числа родившихся произошло в Казахской ССР и республиках Закавказья. Однако здесь этот процесс начался несколько позже.

Особое место занимают Прибалтийские республики. В этих республиках приблизительно до середины 60-х годов изменение процессов рождаемости совпадало с тенденциями, характерными для СССР в целом. Затем

произошел медленный рост численности родившихся, в то время как по стране в целом он наблюдается только с начала 70-х годов.

В республиках Средней Азии имели место тенденции роста численности родившихся в течение всех послевоенных лет, т. е. диаметрально противоположные среднесоюзным. Однако в последние годы в этих республиках намечилось некоторое понижение абсолютной численности родившихся.

Таковы изменения численности родившихся, происшедшие в послевоенные годы. Чем же они вызваны? Какие факторы лежат в основе этих изменений?

Из совокупности факторов, влияющих на рождаемость населения, в первую очередь следует выделить демографические, оказывающие большое влияние на изменение рождаемости в каждый конкретный период — это состав и структура населения по полу и возрасту, число зарегистрированных браков, возраст вступления в брак, состояние в браке и др. Действие демографических факторов на рождаемость неодинаково. Ряд факторов не оказывает непосредственного влияния на процессы рождаемости, а воздействует на них лишь косвенно. Часто влияние демографических факторов бывает малозаметным, и при определении зависимости между ними и рождаемостью возникают определенные сложности. Например, в случае обнаружения зависимости между рождаемостью и численностью мужчин в плодovitых возрастах в масштабах страны, между рождаемостью и изменениями в составе населения по полу в условиях мирного развития экономики.

Наряду с этим влияние многих демографических факторов проявляется довольно отчетливо, поскольку их количественные изменения непосредственно влияют на рождаемость. К этим факторам относится численность женщин плодovitого возраста (15—49 лет) и их структура. Чем больше численность женщин в возрасте 15—49 лет, тем больше должно быть число родившихся детей. Однако в рассматриваемый нами послевоенный период характер изменения численности родившихся не всегда совпадал с тенденциями в изменении численности женщин фертильного возраста.

В 50-х годах рост численности родившихся происходил в условиях увеличения численности плодovitого

контингента. Начавшееся в 60-х годах сокращение числа родившихся явилось первой волной демографических последствий войны, отразившихся на процессах рождаемости. Оно также соответствовало снижению численности женщин в плодовитом возрасте, вызванному переходом в него поколения родившихся в военное время.

Дальнейшее снижение рождаемости населения, характерное для минувшего десятилетия, происходило в период роста численности женщин фертильного возраста, т. е. тенденции изменения уже не совпадали. Это несоответствие было обусловлено тем, что именно в эти годы на процессы рождаемости значительно большее влияние оказала не численность плодovитого контингента, а другие факторы. Особенно заметно расхождение в тенденциях рождаемости и численности рождающего контингента проявились во второй половине 60-х годов. До этого (в среднем до 1965 г.) численность женщин увеличивалась медленно, и поэтому влияние этого фактора на изменение численности родившихся было выражено очень слабо. После 1965 г. прирост численности женщин 15—49 лет существенно возрос. В течение 1965—1970 гг. он ежегодно был в 3,5—4 раза выше, чем прирост в предыдущем пятилетии. Причина этого заключается в особенностях естественного движения населения: в плодovитый возраст вступала многочисленная группа лиц, родившихся в годы высокой послевоенной рождаемости, а за его пределы выбывала небольшая по численности группа лиц, годы рождения которых приходятся на период революции и гражданской войны. Как показывает проведенный нами анализ, рост абсолютной численности женщин фертильного возраста в минувшем десятилетии не привел к увеличению численности родившихся, но он, по всей видимости, противодействовал снижению рождаемости и обеспечил замедление темпов этого снижения, особенно в конце 60-х годов.

Одной из главных причин сокращения рождаемости в годы прошедшего десятилетия явились структурные изменения в численности плодovитого контингента. Плодovитость женщин значительно различается по отдельным возрастным группам. Наиболее продуктивной плодovитостью отличается группа женщин в возрасте 20—29 лет, у которых среднее число детей, родившихся

за год, составляет 130—160 человек на тысячу женщин. Это в 5—7 раз выше, чем у молодых женщин до 20 лет, и почти в 1,5 раза выше, чем у женщин 30—34 лет. На возраст 20—29 лет, если исходить из показателей суммарной плодovитости, приходится около 60% рождений, и поэтому по изменениям удельного веса этой возрастной группы можно оценить сдвиги, происходящие в структуре рождающего контингента.

Возрастная структура женщин фертильного возраста в 60-х годах значительно ухудшилась, что было вызвано снижением доли наиболее плодovитых возрастов с 20% в 1959 г. до 15% в 1970 г. Соответственно увеличилась доля женщин в старших возрастах — 35—49 лет. Расчеты показывают, что структурный фактор оказал на рождаемость значительно большее влияние, чем рост абсолютной численности плодovитого контингента.

Влияние структурного фактора на рождаемость в рассматриваемые годы не было одинаковым. Отрицательное его действие началось после 1962—1963 гг., т. е. по мере перехода в наиболее плодovитые возрасты женщин военных лет рождения. Особенно оно усилилось во второй половине 60-х годов. Отрицательное влияние на рождаемость структурных изменений в плодovитом контингенте — это уже вторая волна демографических последствий войны.

Изменения в структуре рождающего контингента отрицательно повлияли на рождаемость во всех союзных республиках, притом в Грузинской, Азербайджанской, Латвийской ССР они явились, по нашему мнению, одной из основных причин сокращения численности родившихся.

Необходимо отметить, что демографические процессы, в том числе и процессы рождаемости населения, формируются под действием комплекса экономических, социальных, психологических факторов, национального состава, религиозных и правовых норм и т. п. Среди этих факторов первостепенная роль принадлежит социально-экономическим факторам — жизненному уровню населения, величине доходов, росту потребностей и степени их удовлетворения, уровню образования и культуры, степени и характеру занятости женщин в общественном производстве, урбанизации.

Совокупное действие перечисленных факторов отражается на интенсивности протекания процессов рождаемости и находит выражение в показателе повозрастной плодовитости, т. е. числе детей, приходящихся на тысячу женщин соответствующего возраста.

Таблица 2¹

Повозрастные показатели рождаемости
(число родившихся на 1000 женщин
соответствующей возрастной группы)

	Всего 15—49 лет	из них						
		15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
1958—1959 гг.	88,7	29,2	162,2	164,8	110,1	66,6	24,1	5,0
1969—1970 гг.	65,7	30,4	163,9	128,7	88,1	48,5	15,3	2,9
1969—1970 гг. в % к 1958—1959 гг.	74,1	104,1	101,0	78,1	80,0	72,8	63,5	58,0

Анализ показателей повозрастной плодовитости в минувшем десятилетии вскрывает ряд особенностей в характере их изменения. Он показывает, что плодовитость женщин фертильного возраста в целом и в большинстве возрастов сократилась. Максимум рождений переместился в молодые возраста. В 1959 г. у женщин 20—29 лет рождалось по существу равное число детей. В 1970 г. число детей, рожденных каждой тысячей женщин 20—24 лет, не изменилось, в то время как у 25—29-летних оно снизилось на 25%. Значительно сузилась границы высокой плодовитости. Если в 1959 г. рождаемость 100%⁰ и более охватывала возраст 20—34 года, то теперь она наблюдается только у женщин 20—29 лет. Намного раньше кончается воспроизводственный цикл, о чем свидетельствуют низкие показатели плодовитости в старших возрастах.

Изменения, происходящие в показателях повозрастной рождаемости, приводят к увеличению доли родившихся у молодых матерей. Исключив влияние сдвигов в возраст-

ной структуре, распределение детей по возрасту матери выглядит следующим образом:

Численность детей, родившихся у женщин 15—49 лет	(в %)	
	1959 г.	1970 г.
	100	100
в том числе:		
у женщин в возрасте до 30 лет	64	69
у женщин в возрасте 30 лет и старше	36	31

В минувшем десятилетии изменение плодовитости женщин 15—49 лет происходило неравномерно. Основное ее изменение относилось к первой половине 60-х годов. Именно эти годы характеризовались наиболее интенсивным высвобождением населения (среди которого подавляющее большинство составляли женщины) из домашнего и личного подсобного хозяйства и его вовлечением в общественное производство.

Рост уровня занятости женщин в общественном хозяйстве начался в условиях ухудшения демографической ситуации — в годы сокращения темпов прироста численности населения в трудоспособном возрасте.

Увеличение масштабов занятости женщин было обусловлено рядом социально-экономических причин — увеличением образовательного уровня женщин, ростом потребностей семей, которые в условиях недостаточной материальной обеспеченности способствовали увеличению числа работающих членов семьи; недостаточной технической оснащенностью предприятий и механизацией производственных процессов, создавших основу для широкого использования женского труда. Рост занятости женщин был также ускорен в связи с ограничением личного подсобного хозяйства, большей заинтересованностью в работе в связи с ростом заработной платы.

Повышение трудовой активности женщин в начале 60-х годов вызвало рост потребности населения в предприятиях бытового и коммунального обслуживания, увеличило спрос на места в детских садах, яслях, развитие которых уступало потребности в них населения. Все это не способствовало росту свободного времени, необходимого для духовного развития женщины, и обусловило высокую трудовую нагрузку работающих женщин, а в конечном счете привело к ограничению рождаемости.

Оценивая роль и значение отдельных факторов, повлиявших на сокращение рождаемости в первой полови-

¹ Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегодник. М., 1971, с. 49.

не 60-х годов, можно обнаружить следующую особенность. В эти годы падение рождаемости, по нашему мнению, было вызвано главным образом сокращением по возрастной рождаемости, иными словами, в падении рождаемости определяющую роль сыграло изменение социально-экономических условий: увеличение масштабов применения женского труда, рост уровня занятости женщин.

Характер изменения плодовитости в годы восьмой пятилетки в большинстве возрастов сохранился, но наметилась тенденция к стабилизации по возрастной рождаемости, а в младших возрастах — даже ее некоторое повышение. С середины 60-х годов стала увеличиваться рождаемость у женщин в возрасте 15—19 лет, а с начала 70-х годов — и у женщин 20—29 лет. Что касается последних, то об изменении в тенденциях плодовитости этой возрастной группы говорить еще рано, поскольку рост в 1970—1972 гг. мог быть единичным. Рост плодовитости у лиц до 20 лет можно объяснить увеличением числа заключенных браков, ростом числа брачных пар, а рост брачности, особенно в молодых возрастах, способствует увеличению рождаемости.

В конце 60-х годов на первое место в сокращении рождаемости вышли, на наш взгляд, демографические факторы (в связи со значительным ухудшением состава рождающего контингента). Отрицательное влияние на рождаемость социально-экономических условий в эти годы значительно ослабло.

В самом деле, в 1966—1969 гг., с одной стороны, изменилась структура плодovитого контингента, а с другой — произошли большие социально-экономические сдвиги: значительно вырос жизненный уровень населения, увеличились доходы, обеспеченность жильем и услугами, вырос уровень образования и культуры населения.

Но наряду с этими положительными моментами, ослабившими действие на рождаемость населения ряда важнейших социально-экономических факторов, по существу не изменилось влияние на формирование рождаемости таких факторов, как масштабы и степень занятости женщин в общественном производстве, которые по-прежнему остаются исключительно высокими. Все еще остаются значительными затраты труда на ве-

дение домашнего хозяйства, что в условиях высокой занятости женщин означает сохранение большой трудовой нагрузки работающих. Нельзя не учитывать и тот факт, что с изменением социальной структуры общества, с ростом культурного и образовательного уровня населения увеличиваются материальные и культурные потребности, полностью удовлетворить которые в современных условиях еще не представляется возможным. Существенно меняется психология людей и представление об идеале семьи. Все более возрастают требования к условиям, в которых воспитывается подрастающее поколение, и к качеству воспитания. Это приводит к ограничению размеров семьи.

В минувшем десятилетии крупные социально-экономические сдвиги произошли во всех районах страны. В подавляющем большинстве республик они повлияли на процессы рождаемости, привели к ее снижению. Специфически проявилось действие социально-экономических факторов в республиках Средней Азии, где рождаемость на протяжении длительного периода увеличивалась.

В Среднеазиатских республиках, как и в других республиках страны, в минувшем десятилетии произошло быстрое вовлечение населения в общественное производство, росла трудовая активность населения. Несмотря на это доля занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, где, как известно, основную массу составляют женщины, все еще остается высокой. Мало женщин среди рабочих и служащих. Еще слабо привлекаются в отрасли материального производства (кроме сельского хозяйства) и в большинство отраслей непродовольственной сферы коренные жители, особенно женщины. Этому в значительной мере способствует характер расселения — большая часть жителей Средней Азии, особенно жителей коренной национальности, проживает в сельской местности, где степень приобщения к индустриальному труду значительно ниже, чем в городе.

Сохранение высокой занятости в сфере личного труда, слабая урбанизация, низкая занятость женщин коренной национальности в общественном производстве (кроме отраслей сельского хозяйства) — все это свидетельствует о том, что социально-экономические сдвиги в Среднеазиатских республиках значительно меньше, чем в других

районах страны, повлияли на изменение жизненного уклада населения и, по всей видимости, не стимулировали ограничение числа детей. Кроме того, не следует забывать силу традиций и обычаев многодетной семьи в республиках Средней Азии, практически отсутствие внутрисемейного регулирования, благоприятный демографический состав населения, что также способствовало росту численности родившихся. Следует еще иметь в виду и такой момент, как недостаточно точный учет естественного движения населения, занижающий численность родившихся. Систематическое улучшение учета, более полный охват населения могли повлиять на увеличение показателей рождаемости в последующие годы.

Другим важным показателем естественного движения населения является смертность, снижение которой характерно для послевоенного периода. Особо следует подчеркнуть значение снижения детской смертности. К этой важной демографической проблеме можно подходить с двух позиций. С одной стороны, сокращение детской смертности приводит к росту средней продолжительности жизни населения, с другой стороны, компенсирует в определенной степени потери населения от сокращения рождаемости и, таким образом, способствует достижению равного естественного прироста населения при разных уровнях рождаемости.

В изменении детской смертности произошли положительные сдвиги. Она сократилась с 41% в 1959 г. до 25% в 1970 г. Наряду с большими успехами, достигнутыми в снижении детской смертности, в среднем по стране она продолжает сохраняться на высоком уровне.

Изучение движения населения за прошедшие годы создает основу для перспективных расчетов численности населения. В процессе анализа выявляются закономерности и тенденции изменения показателей естественного движения населения, определяются причины их изменения. Выявлению особенностей действия демографических и социально-экономических факторов на воспроизводство населения, и в частности на рождаемость, принадлежит в аналитической работе по прогнозу центральное место.

Оценка комплекса факторов и причин, воздействующих на процессы естественного движения населения, количественное выражение взаимосвязей и выявление их устойчивости — это сложный процесс, находящийся под-

час в стадии теоретической разработки. Существующая статистическая информация и состояние экономических исследований еще не позволяют выявить воздействие каждого фактора, ограничить сферу его влияния на изменение, к примеру, уровня рождаемости. Тем не менее выявление роли отдельных факторов или группы факторов чрезвычайно важно для разработки обоснованной концепции развития населения.

Анализ естественного движения позволяет охарактеризовать некоторые сложившиеся параметры населения (в первую очередь возрастную-половую структуру населения), от которой будет зависеть развитие демографических тенденций. Влияние структурных факторов на изменение процессов рождаемости и смертности населения в ближайшие годы должно быть очень существенным. Складывающаяся в ближайшее десятилетие демографическая ситуация должна благоприятно повлиять на изменение численности родившихся: будет расти абсолютная численность женщин 15—49 лет, почти полностью выравняется в населении фертильного возраста соотношение по полу, значительно улучшится возрастная структура рождающего контингента — увеличится доля женщин в наиболее плодovitых возрастах. Все это должно обеспечить увеличение абсолютной численности родившихся.

По всей видимости, демографические факторы окажут в перспективе решающее влияние также и на изменение смертности. Постепенное старение населения, рост доли и численности мужчин, отличающихся более высоким уровнем смертности, увеличение числа детей будут способствовать увеличению числа умерших и повышению общего коэффициента смертности населения (этот процесс должен происходить даже в случае снижения по-возрастной смертности).

Как уже упоминалось, к настоящему времени отрицательное действие социально-экономических факторов на рождаемость значительно ослабло. В то же время увеличение плодovitости без принятия целенаправленных конкретных мероприятий, по нашему мнению, вряд ли может произойти. Учитывая инерционность протекания демографических процессов, есть основание предполагать, что в ближайшей перспективе (на протяжении по крайней мере 5 лет) не должны произойти коренные изменения тенденций рождаемости и смертности.

Предстоящий рост численности родившихся должен привести к увеличению естественного прироста населения. Другим последствием роста рождаемости, имеющим большое значение с экономической точки зрения, явится увеличение темпов роста трудовых ресурсов, которое, правда, произойдет не скоро, а по мере перехода поколения родившихся в трудоспособный возраст, т. е. через 15—20 лет.

В. Моисеенко

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Последнее десятилетие характеризуется возросшим влиянием миграции на различные стороны жизни нашего общества. Это определяется возросшими масштабами, усилившейся интенсивностью и усложнением структуры миграционных процессов. Так, в 1967 г. численность прибывших и выбывших в городах и поселках городского типа в стране составила 15663,5 тыс. человек, в 1969 г. — 17414 тыс., в 1970 г. — 17408 тыс., в 1971 г. — 17908,5 тыс., в 1972 г. — 17751 тыс. человек.

Причины увеличения численности мигрирующих и повышения уровня миграционной активности еще мало исследованы. Однако очевидно, что этот рост — результат влияния многих факторов. На наш взгляд, к числу факторов, ускоряющих этот процесс, следует отнести научно-технический прогресс, повышение уровня занятости, значительное увеличение числа молодежи, вступившей в рабочий возраст. В этот период рост миграции связан также с возникновением недостатка в рабочей силе ряда городов, особенно в крупных промышленных центрах, а также в некоторых сельских районах.

В условиях увеличения общего числа мигрирующих представляет интерес исследование миграционной активности различных социально-профессиональных групп населения, жителей городской и сельской местности.

В советской литературе уже рассматривалась сельская миграция¹. Что касается миграции городского населения, то она включает движение населения между городскими поселениями (межгородская миграция), миграцию из города в село, а также миграцию сельского населения в городскую местность. Однако следует отметить, что последняя характеризует прежде всего миграционную

¹ См.: Миграция сельского населения. Под ред. Т. И. Заславской. М., 1970.

активность сельского населения. Но без ее учета остается невыясненным важнейший источник формирования городского населения.

В современных условиях масштабы притока сельского населения в города весьма значительны. В истекшее десятилетие прирост населения за счет этого фактора был определяющим в структуре прироста городского населения. Особенно усилилось его влияние за последние годы. Если среднегодовой приток сельского населения в 1960—1965 гг. составил 1,4 млн. человек, то в 1966—1970 гг. — 1,7 млн. человек. В 1971 г. эта величина достигла примерно 2 млн. человек.

Одновременно происходило сокращение естественно-прироста городского населения. Заметно уменьшился приток и за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские.

Таблица 1

Источники роста численности городского населения СССР в 1959—1969 гг. (млн. чел.)¹

	Прирост за весь период	в том числе		Среднегодовой прирост за весь период	в том числе	
		1959—1964 гг.	1965—1969 гг.		1959—1964 гг.	1965—1969 гг.
Весь прирост	36,0	21,7	14,3	3,27	3,61	2,86
в том числе:						
приток в городские поселения из сельской местности	16,4	8,4	8,0	1,49	1,40	1,60
преобразование сельских населенных пунктов в городские	5,0	4,4	0,6	0,45	0,73	0,12
естественный прирост	14,6	8,9	5,7	1,33	1,48	1,14

В условиях сокращения общего прироста городского населения выросла относительная величина притока в городские поселения из сельской местности с 38,7% в 1959—1964 гг. до 55,9% в 1965—1969 гг.

¹ См.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966, с. 244; О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1970, с. 4.

Миграция сельского населения в городскую местность в рассматриваемый период определялась действием целого ряда причин. Среди них нельзя не отметить такую причину, как изменение численности занятых в народном хозяйстве в городской и сельской местности. В 1970 г. по сравнению с 1960 г. общая численность рабочих и служащих в городских поселениях страны выросла с 46 524 тыс. человек до 70 101 тыс. человек, т. е. на 23 577 тыс. человек, в то время как в сельских местностях эта категория работающих увеличилась соответственно с 15 508 тыс. человек до 20 085 тыс. человек, т. е. на 4 577 тыс. человек¹. Однако с учетом того, что за эти годы численность занятых в общественном хозяйстве колхозников сократилось с 22,3 млн. человек в 1960 г. до 16,5 млн. человек в 1970 г., в сельской местности в целом уменьшилась общая численность занятых. На масштабах движения сельского населения сказалось также влияние различий между городом и селом по ряду показателей, определяющих комплекс жизненных условий. В последние годы процесс миграции из села в город интенсифицировался из-за нехватки рабочей силы в больших городах страны.

Помимо усиления роли миграции в приросте городского населения выявилась и другая тенденция. Рост концентрации производства в больших городах значительно повлиял не только на размеры миграции, но и на ее направленность: масштабы территориального движения населения все в большей мере определяются движением самого городского населения, т. е. его перераспределением.

Показателем перераспределения городского населения является абсолютный рост числа мигрирующих в городскую местность и особенно увеличение в составе мигрирующих городских мигрантов. Так, только в 1964 г. миграционное движение городского населения составило 4,2 млн. человек, в то время как из села в город перешло примерно 2,8 млн. человек². Если за 1959—1965 гг. удельный вес прибывших в города из городской мест-

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1969 г. Стат. сб. М., 1970, с. 530; «Вестник статистики», 1971, № 10, с. 88.

² См.: Литвяков П. П. Научные основы использования трудовых ресурсов. М., 1969, с. 139.

ности в общем числе прибывших в городские поселения страны был 62%, то в 1967 г. он повысился до 63,7%.

Полная структура миграции населения в стране по направлениям движения населения была получена по данным переписи населения 1970 г. Численность населения, переменившего место жительства в течение двух лет (1968—1969 гг.), составила по СССР 13,9 млн. человек. Из числа переменивших место жительства передвижение населения из города в город достигло 5,3 млн. человек (38,1%), из села в село — 2,5 млн. (17,8%), из села в город — 4,4 млн. (31,4%) и передвижение из города в село — 1,7 млн. человек (12,7%)¹. Удельный вес мигрирующих между городскими поселениями оказался преобладающим во всех союзных республиках, кроме Литовской ССР и Молдавской ССР, в которых сравнительно высокая доля приходится на внутрисельские передвижения.

Анализ данных о структуре миграции дает основание для следующих выводов. Во-первых, наряду с движением населения из села в город происходит значительный по своим масштабам и имеющий к тому же тенденцию к увеличению процесс межгородской миграции. Это движение хотя и не изменяет непосредственно численность городского населения, тем не менее существенно влияет на структуру городского населения, на величину и состав населения городских поселений разного типа. Во-вторых, тенденция роста миграции городского населения свидетельствует об изменениях в структуре миграции, которая все в большей мере определяется территориальным движением рабочих и служащих.

В условиях увеличения притока сельского населения в города, значительных масштабов перераспределения городского населения возникает вопрос о роли городов различного типа в этих процессах. Хотя на неодинаковые темпы роста населения городов различной величины обращалось внимание в советской литературе, все же вопрос об источниках формирования населения в них не исследован полностью. Рассмотрим в связи с этим структуру прироста населения по сопоставимым группам городов, сгруппированных по состоянию численности на

¹ См.: «Вестник статистики», 1973, № 2, с. 85.

15.1.1959 г. и без учета перехода из одной группы в другую¹.

Данные таблицы показывают, что наибольшая доля общего прироста приходилась на города с населением 100—500 тыс. человек, а наименьшая — на города с населением до 20 тыс. человек. Это свидетельствует о концентрации прироста населения в больших (свыше 100 тыс. человек) городах: на них пришлось 62,7%, т. е. почти $\frac{2}{3}$ общего прироста населения. В составе больших городов особо выделяются города с населением свыше 500 тыс. человек. Их доля в общем приросте достигла 32,1%. Миграция (вместе с территориально-

Таблица 2

Общий прирост и прирост за счет миграции населения в сопоставимых группах городов РСФСР за 1959—1969 гг. (в %)

Группы городов по численности населения	Удельный вес группы в среднегодовой численности населения	Распределение по группам	
		общего прироста	прироста за счет миграции и тер.-адм. преобразований
Все население рассматриваемой совокупности городов	100,0	100,0	100,0
в том числе города:			
до 20 тыс.	9,2	8,3	7,8
20—50 тыс.	16,2	12,8	10,1
50—100 »	13,2	16,2	16,5
100—500 »	29,3	31,2	29,9
500 тыс. — 1 млн.	16,0	16,0	15,6
свыше 1 млн.	16,1	15,5	20,1

¹ При оценке полученных результатов необходимо учесть следующее. Во-первых, исследуемая группа городов характеризует движение значительной части городского населения РСФСР и страны в целом. Во-вторых, по сравнению со всем городским населением она отличается меньшим удельным весом естественного прироста в общем приросте страны в этот период), что объясняется относительно низким показателем рождаемости в городской местности этой республики. В-третьих, при выявлении роли миграции необходимо иметь в виду, что в расчетах прироста населения этот источник дается вместе с территориально-административными преобразованиями, роль которых в формировании населения, как отмечалось выше, была неодинаковой на протяжении истекшего десятилетия.

административными преобразованиями) оказала определяющее влияние на распределение общего прироста по группам городов. За счет миграции на большие города пришлось 65,6%, в том числе на крупнейшие — 35,7% всего прироста населения рассматриваемых групп городов. Следовательно, развитие этих групп городов определило направление и результативность миграционных процессов на территории РСФСР в исследуемый период¹.

Наряду с большими городами значительную роль в территориальном перераспределении населения играют малые и средние города.

В городах различной величины сложилась неоднородная структура прироста населения².

Таблица 3

Структура прироста населения в сопоставимых группах городов РСФСР за 1959—1969 гг.
(в % ко всему приросту)

	Весь прирост	в том числе	
		естественный прирост	прирост за счет миграции и тер.-адм. преобразований
Все население рассматриваемой совокупности городов	100,0	35,9	64,1
в том числе:			
до 20 тыс.	100,0	39,6	60,4
20—50 »	100,0	49,8	50,2
50—100 »	100,0	34,8	65,2
100—500 »	100,0	38,6	61,4
500 тыс. — 1 млн.	100,0	37,3	62,7
свыше 1 млн.	100,0	11,7	83,3

¹ Эта тенденция подтверждается также значительным уровнем концентрации прироста населения в столицах союзных республик. Их удельный вес в приросте городского населения за счет миграции в 1970 г. был следующим: Киева — 12,9%, Минска — 29,3, Ташкента — 39,9, Алма-Аты — 16,4, Тбилиси — 66,7, Баку — 76,5, Вильнюса — 27,5, Кишинева — 45,2, Риги — 45,0, Фрунзе — 37,5, Душанбе — 58,3, Еревана — 58,3, Ашхабада — 33,3, Таллина — 38,5%. Следует заметить, что действительные размеры концентрации (с учетом развития агломераций и структуры городского расселения в УССР и Каз.ССР) значительно больше.

² См.: «Плановое хозяйство», 1971, № 8, с. 34.

Из таблицы видно, что решающая роль миграции в приросте населения проявилась во всех группах городов. В целом тенденция такова, что с ростом величины города снижается доля естественного прироста и повышается удельный вес миграции.

При анализе сопоставимых групп городов РСФСР выявилась также тенденция к сближению показателя естественного прироста по группам городов в 1969 г. по сравнению с 1959 г. Что касается миграции, то наибольшая интенсивность прироста (в расчете на 1000 человек среднегодового населения) характерна для городов с населением в 50—100 тыс. человек (20%) и 100—500 тыс. человек (16,6%). В городах с численностью 500 тыс. — 1 млн. человек и особенно свыше 1 млн. человек меньшие размеры интенсивности прироста несколько противоречат ее наиболее высокому удельному весу в общем приросте. Однако условность этого вывода очевидна. Она определяется тем, что город рассматривается в рамках административных границ.

Рассмотрим в связи с этим некоторые вопросы территориального движения населения на примере городов Московской области.

Удельный вес миграции в приросте населения по сопоставимому кругу городов в 1959—1969 гг. составил в целом по области 72,1%, в том числе по группе городов: с населением до 20 тыс. человек — 73,8%, 20—50 тыс. — 77,5%, 50—100 тыс. — 68,9%, свыше 100 тыс. человек — 54,1%. Сравнивая эти данные с данными табл. 3, нетрудно заметить следующие особенности. Видна относительно большая роль миграции в приросте населения рассматриваемых групп городов Московской области по сравнению с городами РСФСР. Примечательно и другое. В городах области доля миграции населения снижается с ростом величины города, в то время как во всех рассматриваемых городах РСФСР наблюдается противоположная тенденция, т. е. с уменьшением величины города повышается относительная доля миграции.

Эти различия были бы более значительными, если бы представилось возможным более точно определить все городские поселения, входящие в агломерацию (в частности, поселки городского типа и сельские поселения). Трудности в этом плане очевидны. Поэтому примем в ка-

честве условной границы в радиусе 60 км от Москвы, т. е. в зоне наиболее интенсивной маятниковой миграции.

Отмеченные выше особенности формирования населения городов области выступают здесь еще значительнее: во всех группах (по сравнению не только с аналогичными группами городов РСФСР, но и Московской областью) повышается доля прироста за счет миграции. Величина прироста (на 1000 человек населения) также выше областных показателей.

Т а б л и ц а 4

Прирост населения за счет миграции в городах, расположенных в радиусе 60 км от Москвы (по сопоставимым группам) за 1959—1969 гг.

	Удельный вес миграции в приросте населения (в %)	Прирост за счет миграции на 1000 человек
До 10 тыс.	81,6	39,1
10—20 »	77,2	28,3
20—50 »	82,9	40,8
50—100 »	73,2	21,6
Свыше 100 тыс.	62,8	14,8
В среднем	77,9	29,1

Таким образом, миграционный прирост в пригородной зоне существенно дополняет прирост населения Москвы и является в определенной мере основой для развития маятниковых передвижений, хотя механизм взаимосвязи «собственно» миграции и маятниковой миграции требует особого изучения. Следует также отметить, что сравнительно высокая доля городского населения в миграционном приросте населения таких крупнейших городов, как Москва, объясняется в определенной мере территориальным движением городского населения области. Возможный переход бывших «маятниковых мигрантов» в состав населения города, повышая удельный вес миграции в приросте населения, не увеличивает трудовые ресурсы города. Наконец, данные о естественном приросте, и особенно рождаемости, свидетельствуют о незначительных различиях в уровне общего показателя рождаемости между Москвой и городами в радиусе до 60 км. В из-

вестной мере это свидетельствует о том, что тип демографического поведения, формирующийся в Москве, вышел за территориальные границы этого города.

Рассмотренными выше тенденциями не исчерпывается характеристика миграции городского населения. Увеличение общей численности мигрирующих, изменение структуры свидетельствуют о большом влиянии миграции на различные стороны жизни общества и, следовательно, о необходимости дальнейшей разработки этого вопроса с целью более эффективного управления процессом.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Бжилянский. Комплексное исследование народонаселения	3
Г. Коростелев, Т. Нескоромная. Актуальность работы В. И. Ленина «Рабочий класс и неомальтузианство»	21
А. Антонов. Проблемы измерения репродуктивной мотивации	31
Л. Чуйко. Опыт анализа межнациональных браков в УССР	47
Г. Киселева, И. Рылкова. О мотивах ограничения рождаемости	55
В. Подъячих. Некоторые особенности естественного движения населения СССР в современных условиях	72
В. Моисеенко. Тенденции миграции городского населения	85

CONTENTS

Bdjljiansky J. Comprehensive population research. Main methodological principles	3
Korostelev G., Neskoromnaia T. Present day significance of Lenin's work «Working class and neomalthusianism»	21
Antonov A. Problems of reproductive motivation measurement	31
Chujko L. Some experience of analysis of multinational marriages in Ukrainian SSR	47
Kiseleva G., Ril'kova I. On motives of fertility limitation	55
Podjachih V. Some contemporary peculiarities of demographic trends of the USSR population	72
Moiseenko V. Migration tendencies of urban population	85

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Редактор *И. М. Кирсанова*

Техн. редактор *Л. Г. Чельшева*

Корректор *Л. Ф. Финогенова*

Худ. редактор *Т. В. Стихно*

Обложка художника *В. С. Сергеевой*

Сдано в набор 30/XII 1973 г.

Подписано к печати 12/V 1974 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага № 3

Объем 3 печ. л. Усл. печ. л. 5,04

Уч.-изд. л. 5,00. Тираж 8500 экз. А 03185

(Тематич. план 1973 г. № 43)

Издательство «Статистика»,
Москва, ул. Кирова, 39

Заказ № 34

Цена 30 коп.

Великолукская городская типография
управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Псковского
облispолкома, г. Великие Луки,
Половская, 13.